

МАРК СТЭЙ

ВОРОНИЙ НАРОД

ВЕДЬМЫ ВУДВИЛЛА

1940-й.
Война.
Колдовство.

Марк Стэй
Вороний народ
Серия «Ведьмы Вудвилла.
Магия Марка Стэя»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69865732

*Вороний народ: Эксмо; Москва;
ISBN 978-5-04-194693-7*

Аннотация

Фэй Брайт всегда чувствовала, что отличается от других людей. Случайно обнаружив дневник своей покойной мамы, она наконец поняла причину этого чувства. Помимо рецепта пудинга с вареньем среди записей обнаружили заклинания, описания ритуалов, зарисовки странных существ и рун... Это была колдовская книга. Её мать была ведьмой.

И Фэй унаследовала её дар.

Как нельзя вовремя, ведь вороний народ – армия живых пугал – уже близко. Их харизматичный тыквоголовый лидер угрожает жителям деревни. Их странная магия пугает Фэй. Вооруженная книгой своей матери, верным велосипедом, помощью двух пожилых леди и умением звонить в церковные колокола, Фэй оказывается на передовой войны, о которой никто не мог и подумать...

Увлекательная история, полная тайн, для поклонников Терри Пратчетта, цикла «Хроники Нарнии» и сериала «Волшебники».

Атмосфера колдовства, таинственные ритуалы, захватывающее переплетение реальных исторических событий и магии – идеальное хэллоуинское чтение.

Заинтересует поклонников Анастасии Гор и её цикла «Ковен озера Шамплейн».

Обложка от популярной художницы Caramel Witch (более 32 тыс. подписчиков в ВК).

Содержание

Пролог	7
1	9
2	20
3	29
4	40
5	45
6	57
7	62
8	70
9	80
10	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Марк Стэй

Вороний народ

Посвящается Клэр и магии, которую она создает.

Mark Stay

The Crow Folk (The Witches of Woodville #1)

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Unusually Tall Stories, Ltd 2021

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

© Борискина В.А., перевод на русский язык, 2023

Июнь, 1940

В Европе свирепствует война. Разгромленные британские экспедиционные силы и их союзники отступили из Дюнкерка, и Франция пала под натиском Гитлера. В Великобритании вводятся нормы на продовольствие, а детей эвакуируют из городов в сельскую местность, чтобы уберечь от надвигающихся бомбардировок. Учитывая количество мужчин, сражающихся на передовой, поддержание жизни в стране ложится на плечи женщин. Женская земледельческая армия помогает на фермах, патруль воздушной тревоги наблюдает за небом, а женский добровольческий корпус оказывает им всем поддержку. Те мужчины, кто слишком стар для призыва в армию, записываются в отряды местной обороны (вскоре они станут известны как Ополчение) и готовятся к вторжению.

Тем временем в тихой деревушке в сельской местности графства Кент происходят странные вещи...

Пролог

Поле в Англии

Под закатным небом, испещренным желто-розовыми облаками, стоит в поле одинокое пугало. Жалкое зрелище, облаченное в красное клетчатое платье, которое некогда служило кому-то лучшим воскресным нарядом; с мешком вместо головы, пуговицами вместо глаз и стежками ниток на месте улыбки. Закутанное в заплесневелую старую шаль, оно висит на крестовине, словно позабытое белье. У пугала есть имя, Сьюки, но ее мозг так же пуст, как и ее карманы.

Над вспаханной землей раздается монотонный звон коровьего колокольчика.

Некая фигура шествует по полю, размахивая им, точно священник кадилом с ладаном, но двигается она неестественно, судорожно дергая конечностями. За спиной у нее развеваются фалды пыльного смокинга, а потертый цилиндр на голове лихо сдвинут набок. Галки отпугивают фигуру громкими криками, но та продолжает свой путь. Ее голова – тыква насыщенного оранжевого цвета, какой бывает у призовых кубков. Улыбка – заостренные зубья пилы. Глаза – черные треугольники.

При приближении незнакомца галки предусмотрительно взмывают в небо, оставляя Сьюки наедине с ним. Он еще

немного гремит колокольчиком, дабы убедиться, что птицы не вернутся. Эхо стихает, оставляя после себя лишь тихий рокот ветра. Воздух по-летнему сладкий, почва рыхлая, а небо окрасилось в кроваво-красный цвет. Тыквоголовый засовывает колокольчик в смокинг и подходит ближе. Он кружит возле Сьюки, словно танцор, перескакивая с ноги на ногу, затем обхватывает ее голову из мешковины и шепчет слова на языке, который не слышали со времен изгнания его рода.

Слова проникают в нее, наполняя до краев. Это требует времени. Но Тыквоголовый терпелив.

Сьюки вздрагивает, шурша соломенной набивкой, и поднимает взгляд, в ее глазах-пуговицах загорается свет.

– Вот и все, – говорит ей Тыквоголовый. – Ну же, давай я тебе помогу. – Он достает складной нож, спрятанный под ленту цилиндра, и разрезает ее путы.

Сьюки судорожно мотает головой, как испуганный новорожденный.

– Теперь ты свободна, сестра, – произносит Тыквоголовый. – Как и все мы.

По полю разносится звон и лязг. Сьюки обращает взор на горизонт, где дюжина или более пугал, пританцовывая, шествует к ней.

Мешковина на голове Сьюки поскрипывает, пока ее стезжки складываются в улыбку.

Книга ритуалов и магии Уинтер

Однажды отец Фэй, мистер Брайт, поведал ей, что в самом центре леса находится старый дуплистый дуб. Тогда ей было шесть, и они выгуливали собак мистера Барнетта, когда наткнулись на это дерево. Отец утверждал, что оно – старейшее в этом лесу. Юная Фэй втайне надеялась, что из-за него вот-вот выглянет сказочный волк.

Сейчас Фэй уже исполнилось семнадцать. И в графстве Кент не водилось волков. А дуплистый дуб располагался достаточно далеко, чтобы укрыться от любопытных глаз. Именно там она впервые открыла книгу.

Фэй нашла ее в сундуке со старыми безделушками, когда вместе с отцом разбирала хлам в углу подвала паба. Они искали куски старого металлолома для сбора «Кастрюли для истребителей»¹, организованного миссис Бакстер, когда Фэй открыла сундук, задвинутый в тень за бочки с элем. Внутри обнаружилась коробка с письмами, расческа с ручкой из слоновой кости, несколько дешевых ожерелий и серег, треснув-

¹ Во время Второй мировой войны в Великобритании организовывались сборы кухонной утвари, которую впоследствии переплавляли и использовали в производстве истребителей «Спитфайр». (Здесь и далее – прим. ред.)

шая граммофонная пластинка Graveyard Dream Blues² Бесси Смит и эта книга в кожаном переплете.

Отец Фэй, Терренс, разбирал коробку с потускневшими столовыми приборами, когда она достала книгу из сундука. На первый взгляд в ней не было ничего примечательного. Обтянутая красной кожей, благодаря чему ее можно было принять за бухгалтерскую книгу или дневник из канцелярской лавки, с простыми обложкой и корешком, без названия и автора. Тем не менее внутренний голос Фэй подсказывал, что ей следует сохранить эту находку в тайне. Она открыла первую страницу. От нацарапанных тушью слов у нее едва не остановилось сердце.

«Книга ритуалов и магии Уинтер», автор Кэтрин Уинтер. Уинтер. Девичья фамилия мамы.

А затем, чуть ниже, более темными чернилами выведено: *Моей дорогой Фэй, когда настанет время.*

Фэй закрыла сундук, спрятала книгу под комбинезон, сказала отцу, что ей пора на занятие по колокольному звону, и ушла.

Она не хотела открывать книгу в пабе, не желала показывать ее в деревне и даже не осмелилась открыть ее в уединении собственной комнаты. Фэй нужно было оказаться как можно дальше от людей, поэтому она направилась к дубу в центре леса.

Чтобы сбить с толку нацистских шпионов, все знаки возле

² Блюз «Сон о могиле» (англ.).

дороги давно сняли, но Фэй могла бы проехать на велосипеде по этому маршруту с завязанными глазами. Она покинула деревню по конной тропе возле фермы Баттервортов, двинулась через Римский мост в лес, пока дорога не уступила место зарослям папоротника и орляка. Оставив велосипед возле серебристой березы, Фэй продолжила путь пешком, всю дорогу размышляя о том, как бы объяснить наличие книги в своей сумке, если бы кто-нибудь застал ее за чтением.

Древний лес со временем стал меньше, съедаемый земледелием, дорогами и строительством домов. Теперь от него осталось не более нескольких квадратных миль, заросших вековыми дубами, тисами, соснами, березами, буками и ольхой.

Если исследовать чащу достаточно долго, можно добраться до меловых скал и побережья, но корни леса цепляются за Вудвилл. Деревня уютно расположилась на его границе, и между ними установилась своего рода договоренность. Жители деревни брали только самое необходимое, а лес терпел их странные маленькие ритуалы: например, когда они группами бродили с картами и компасами и в итоге терялись или когда приводили своих собак погонять белок и помочиться на деревья. И он с радостью позволил девушке в комбинезоне, с орехово-каштановыми волосами и большими круглыми очками, бродить в наступающих сумерках по его скрытым тропинкам. Если бы лес знал, к чему это приведет, он бы мог ее тогда остановить, но с возрастом он стал благодушнее.

Фэй пробежала по камням возле реки Вуд и поспешила вверх по илистому берегу, где однажды нашла кремневый топор. Местный викарий, преподобный Джейкобс, считал, что его смастерили еще в каменном веке, во времена первых поселенцев Вудвилла. Он выставил топор в церкви рядом с обломками саксонских глиняных горшков, которые нашел во время скаутского похода. Какое-то время Фэй подумывала о карьере археолога, но пару лет назад один из скаутов, Генри Могг, заявил, что девчонки недостаточно выносливы для работы на свежем воздухе, и, дабы доказать, что он ошибается, она пнула его по голени, чем заслужила исключение из гайдовского движения³ за неподобающее поведение.

Она все равно слишком взрослая для них. В семнадцать лет Фэй уже была готова ко всему. Даже к войне.

Когда Фэй добралась до поляны с дубом, летнее солнце уже опускалось за верхушки деревьев. Она огляделась, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, и уловила всполохи красного, зеленого и желтого цветов, когда меж деревьев пронесся дятел. Убедившись в том, что она одна, Фэй села у подножия дерева. Многовековой дуб склонился над ней, словно любопытный наблюдатель. Пока она устраивалась удобнее, его пробившиеся сквозь почву узловатые корни обвивали ее, создавая подобие гнезда.

³ Гайдовское движение – всемирное движение, ставящее своей целью духовное, интеллектуальное, физическое развитие, формирование характера и социальную адаптацию представительниц женского пола.

– Посмотрим, что тут за чертовщина, мама, – с благоговением прошептала Фэй, раскрыв книгу.

Каждую страницу испещряли карандашные и угольные наброски символов, рун и магических предметов, а также акварельные рисунки странных существ, которых не встретишь ни в одном зоопарке. Вокруг них чернилами были выведены заметки. Некоторые пометки были сделаны твердым курсивом, но в основном это были пятна и мазки, нацарапанные в порывах ужасающего вдохновения.

Эта книга не была похожа ни на одну из тех, что Фэй доводилось читать ранее. Ей нравились детективные романы, где несколькомышленых малых раскрывали убийство. Но здесь не было ничего подобного. Только ритуалы, магия, монстры, демоны и, по какой-то причине, рецепт пудинга с вареньем.

Фэй листала страницы, пока рисунки и слова не превратились в расплывчатые пятна. Из книги выскользнул клочок бумаги. Она подхватила его, прежде чем тот успел опуститься на землю, и перевернула.

– Ничего себе, – произнесла Фэй, не до конца веря своим глазам.

Страницу заполняли восемь рукописных столбцов чисел, между которыми зигзагами тянулись линии синих и красных чернил. Немногие сумели бы понять, что перед ними, кто-нибудь мог заподозрить шифр, но Фэй мгновенно узнала сей рисунок.

Это был метод колокольного звона.

Восемь колонн символизировали восемь колоколов, а красный и синий зигзаги – порядок приведения их в действие. С тех пор как ей исполнилось двенадцать, каждые пятницу и воскресенье Фэй звонила в колокола в церкви Святой Ирины. Ее мать тоже была звонарем.

Мама умерла, но успела создать свой метод звона.

И даже придумала ему название. Вверху страницы мама Фэй нацарапала слово «Кефапепо». Совсем нехарактерно для метода. Разумеется, им давали странные названия, но обычно это было что-то вроде «Двойной маятник», «Сюрприз из Кембриджа» или «Оксфордский тройной маятник», а не абсурдное «Кефа-что-то-там». А еще метод казался довольно необычным. Фэй попыталась воспроизвести его в голове, но что-то пошло не так.

Магия, ритуалы и колокольный звон.

И пудинг с вареньем.

Под схемой мама Фэй написала еще несколько слов:

«Я сокрушаю гром, я терзаю зло, я изгоняю тьму».

– Ты что? – пробормотала про себя Фэй. – Ох, мама, о чем ты говоришь?

Когда ее мать умерла, Фэй было всего четыре года. Достаточно осознанный возраст для воспоминаний, даже если они призрачные. Подробности настигали Фэй маленькими вспышками в самые неожиданные моменты. Аромат розмарина пробудил воспоминания о том, как она, будучи еще со-

всем малышкой, помогала маме в саду. Покрывало напоминало о поцелуях на ночь. Ее мама была островком утешения и счастья.

Вот почему Фэй так сердилась на нее.

Она знала, что не права. Мама не виновата, что умерла такой молодой – дифтерия не особо разборчива, – но любое упоминание о ней приводило Фэй в ярость. Все эти годы жизни без матери, все дни рождения, дни Рождества и летние сезоны, и все те вещи, которые им не суждено было сделать вместе.

И поэтому Фэй запрятала ее образ как можно дальше. Мама осталась в прошлом – незнакомка, смутное воспоминание. Фэй смирилась с этим и продолжала жить своей жизнью.

Но оказалось, что она обманывала себя. Водрузив книгу на колени, Фэй по глупости позволила вспыхнуть маленькой искорке надежды. Может быть, наконец появится хоть какой-то ключ к разгадке того, кем на самом деле была ее мать. Может, наконец-то эта зияющая пустота в сердце будет заполнена.

К сожалению, содержание книги говорило только о том, что ее мама была либо ведьмой, либо сумасшедшей.

Фэй прочитала книгу от корки до корки, затем еще раз, замороженная словами и рисунками, без конца задаваясь вопросом, почему мама написала все это и почему отец ни разу не упомянул о книге. Не будучи слишком сентиментальным, он совсем немного говорил о маме в последнее время.

Капли дождя упали на пожелтевшую бумагу, и Фэй, подняв взгляд, увидела, что небо окрасилось в цвет индиго. Уже наступил вечер пятницы. И она опаздывала.

– Проклятие! – Фэй вскочила на ноги, прижала книгу к груди и бросилась обратно через высокие кусты папоротника, направляясь к своему велосипеду. Она запихнула книгу в сумку, которую втиснула в плетеную корзину велосипеда, и затем, схватившись за руль, оттолкнулась от земли. У нее была мальчишеская модель велосипеда – Фэй купила его с рук у Альфи Пейна после того, как тот перестал заниматься развозом газет, – и ей приходилось перекидывать ногу через перекладину, пока она набирала скорость.

Мчась по старому Римскому мосту, она чуть не сбила юношу, шедшего навстречу с корзиной, полной бузины, на сгибе локтя. Фэй сумела увернуться, когда он с удивленным возгласом отпрыгнул назад. Она затормозила в подлеске, отчего сумка вылетела из корзины. А книга выскользнула из сумки, упав прямо на тропу.

– Берти Баттерворт, какого черта ты шатаешься по лесу в такое время суток? – Фэй спрыгнула с велосипеда, подхватила книгу с сумкой и запихнула их обратно в плетеную корзину.

– Я, м-м, видишь ли, дело в том, что я, ох, хм... – Берти был чуть младше Фэй, и, пока они учились в школе, он всегда относился к ней с особой нежностью. Хотя она была уверена, что сейчас он равнодушен к Милли Бакстер, поскольку не

переставал с тоской смотреть на нее в церкви. Он работал на отцовской ферме, благодаря чему на его щеках расцвела румяная россыпь веснушек, а волосы взлохматились, напоминая живую изгородь. – Я делаю наливку из бузины, – сказал он, как только привел мысли в порядок, демонстрируя корзину, полную ягод. – Как ни странно, твой отец хотел приобрести немного для паба.

– Отец? – прищулив один глаз, Фэй выкатила велосипед обратно на дорожку. – Это он послал тебя? Ты шпионишь за мной, Берти Баттерворт?

– Эм, н-нет, – пробормотал он. – То есть да, он послал меня. Собрать ягоды, только за этим, я за тобой не шпионю. Ну, я действительно заметил какое-то движение и подумал, что ты... хотя, нет, это глупо.

– Нет, продолжай. За кого ты меня принял?

Оглянувшись по сторонам, Берти наклонился и прошептал:

– За нацистского шпиона, которого люфтваффе⁴ сбросили на парашюте, чтобы он внедрился в деревню.

Фэй взглянула на его открытый рот и честные глаза и не сумела сдержать смех.

– Ты такой болван. Что здесь может понадобиться нацистам?

– Мы должны оставаться начеку, – сказал Берти, когда они

⁴ Люфтваффе (нем. Luftwaffe) – военно-воздушные силы Германии в период Третьего рейха.

продолжили путь вместе. Он прихрамывал, поскольку у него с рождения одна нога была короче другой. – Так сказали по радио вчера вечером. Если нацисты осмелятся на вторжение, то оно произойдет прямо здесь.

– Что ж, здесь никого нет. Кроме меня и нескольких белок.

– И книги. – Берти склонил голову, чтобы получше рассмотреть содержимое плетеной корзины велосипеда. – Что ты читаешь?

– Ничего. – Фэй запрятала томик глубже в сумку. – Старинную книгу рецептов. Подумываю сделать пудинг с вареньем, если тебе так интересно.

– О! – Берти, кажется, устроило такое объяснение, но Фэй чувствовала, как в его голове вращаются шестеренки и что в любой момент он может спросить, почему она отправилась в глубь леса, чтобы почитать книгу. Ей пришлось сменить тему.

– Ты сегодня звонишь в колокола?

– Чтоб мне провалиться, – понуро произнес Берти. – Какой сейчас час?

– Поздний, – ответила Фэй. – Запрыгивай. Я подвезу.

Все еще сжимая корзинку, Берти вскарабкался на сиденье позади Фэй, и она наклонилась вперед, наваливаясь на педали под усиливающийся дождь. Она сердилась на себя за то, что потеряла счет времени, но ведь она нашла книгу магических заклинаний, написанную ее матерью. И при первой же

возможности Фэй собиралась попробовать одно из них.

2

Ангельский звук

Первое письменное упоминание деревни Вудвилл содержится в хрониках Уилфреда из Сайренсестера, странствующего писца, посланного Оффой, королем Мерсии, для определения размеров новых землевладений. Уилфред проезжал через деревню в 762 году н. э. и описал ее как «уже далека от расцвета и нуждается в знатном уходе», а жителей назвал «дико бестолковыми». То были последние строчки Уилфреда из Сайренсестера, найденные в канаве вместе с несколькими окровавленными вещами не более чем в двух милях от Вудвилла.

Возле деревни путешественникам могут встретиться густые леса, несколько ферм, горстка усадеб, одиночные старинные форты, аэродром, крутые холмы, осыпающиеся меловые скалы и галечные пляжи. Вуд-роуд – единственный путь, по которому можно въехать и выехать из деревни, и мало кто попадает сюда случайно.

Фэй крутила педали изо всех сил, двигаясь по Вуд-роуд, а Берти сидел сзади, прижавшись к ее спине и стиснув свою корзинку с бузиной. Шел дождь, и Фэй надеялась, что он закончится до завершения вечера. Она обещала мистеру Пейну, что присоединится к патрулированию после закрытия па-

ба, и ей не очень хотелось замерзнуть или промокнуть в темноте. Они с Берти миновали бакалею, мясную лавку, булочную, почту, кондитерскую, чайную, универсальный магазин, три паба, школу, библиотеку и две церкви.

Церковь Святой Ирины была старше церкви Богоматери Святого Сердца, построенной в 1889 году. Неф⁵ церкви Святой Ирины датируется VI веком, его возвели из римского кирпича и черепицы, оставшихся от собора, который когда-то стоял на том же месте. На протяжении веков были добавлены другие пристройки, последней из которых в 1310 году стала колокольня. Церковь была названа в честь святой Ирины Фессалоникийской, принявшей мученическую смерть вместе со своими сестрами, в том числе за чтение запрещенных книг. Сестер Ирины казнили, а ее отправили в публичный дом, где ей предстояло подвергнуться домогательствам со стороны завсегдатаев. В конечном счете ее никто не тронул, и, как гласит история, многих посетителей публичного дома она обратила в христианство, с упоением зачитывая Евангелие. По другой версии, те же самые чтения побуждали их посещать другой бордель, расположенный выше по улице, но, в любом случае, упрямство святой Ирины вдохновляет жителей деревни и по сей день. Никто никогда не упоминал, что ее сожгли заживо в наказание за отказ идти на компромисс, но жители Вудвилла не из тех, кто позволяет мрачному финалу омрачить хорошую историю.

⁵ Неф – часть церкви, простирающаяся от главных входных дверей до хора.

– Слезай, – бросила Фэй Берти, останавливая велосипед.

– Ступай вперед, – сказал он, разминая непослушные ноги. – Я догоню.

Фэй прислонила велосипед к подножию колокольни церкви Святой Ирины, нырнула внутрь, скрываясь от дождя, и взобралась по неровным каменным ступеням винтовой лестницы. Она уже слышала голос старшего звонаря, мистера Ходжсона, готовившего подопечных к последней части «Двойного Боба».

– Смотрите! – воскликнул он. Фэй заглянула в звонницу сквозь узкую каменную арку, когда мистер Ходжсон взял в руки колокольный канат. – Подводим дискант...⁶ – Он потянул за канат, подведя колокол к точке равновесия. Затем, когда тот повернулся, занимая верное положение, он добавил: – И отпускаем.

Раздался звон дисканта, а затем за ним последовали и остальные колокола.

Было почти девять часов, и Фэй с Берти пропустили все занятие. Из-за звона колоколов башня мягко вибрировала, и Фэй колебалась вместе с ней, подумывая развернуться и пойти в паб, чтобы помочь отцу. Но звонари все равно соберутся там через несколько минут, так что она могла бы показаться и извиниться.

Она протиснулась через арку в звонницу, держась побли-

⁶ Дискант – тонкоголосый колокол, звоном которого обычно созывают окрестных прихожан на церковную службу.

же к стене, и робко махнула мистери Ходжсону, пока тот завершал обход. Позади нее появился слегка запыхавшийся Берти, все еще сжимавший корзину с бузиной.

Даже по странным меркам Вудвилла звонари представляли собой причудливую компанию. Среди них была Фэй, которую никто не мог понять, в том числе и она сама. Мисс Берджесс больше любила цыплят на своем участке, чем людей, а под ее ногтями всегда была грязь. Мисс Гордон была воплощением доброты и чемпионкой по стрельбе из лука. Миссис Притчетт к своему преклонному возрасту стала совсем крошечной, и ей приходилось звонить, стоя на ящике, хотя степень ее концентрации оставалась как никогда высокой. Список звонарей завершали близнецы Робертс, два тучных пожилых джентльмена с мягкими характерами, предпочитавшие общаться посредством легких кивков и шепота. В мире звонарей они были известны как «Двойной Боб» – внутренняя шутка, непрестанно вызывавшая смех на ежегодном собрании общества графства и вежливое недоумение где-либо еще. А возглавлял их всех старший звонарь, мистер Ходжсон, лидер скаутов, который в любую погоду носил шорты цвета хаки. Говорили, что по цвету колен мистера Ходжсона вполне можно предсказывать погоду. Этим вечером они приобрели оттенок яблок сорта «Кокс Оранж Пипин». Дождь продлится всю ночь, утром возможна изморозь.

Занятие подходило к концу, и звон постепенно затихал. То было любимой частью Фэй во время любой практики. Ко-

колокола следовало вернуть в безопасное положение язычком вниз, и звонари осторожно их переворачивали. Они стали звенеть все ближе и ближе друг к другу, сталкиваясь корпусами, и отец Фэй часто описывал этот звук как «треклятый грохот, которого бы больше нигде не допустили, если бы не чертова церковь». Но затем произошло нечто чудесное. Из этого хаоса родился гармоничный гул. Он кружил вокруг них, резонируя с древним камнем башни, сотрясая деревянные половицы и стуча в окна. Мама Фэй говорила, что он напоминает пение ангелов, и, когда звонари играли правильно, этому звуку не было равных.

Звонари продолжали аккуратно отпускать канаты правой рукой, скручивая концы веревки левой. Фэй в блаженстве закрыла глаза, теперь вокруг них слышался только гул колоколов.

Гармонию нарушил голос мистера Ходжсона.

– На счет три отпускайте и ловите. Раз... два... три. Отпускайте и ловите! – С последним звоном колокола замолкли.

Фэй открыла глаза и встретила хмурый взгляд старшего звонаря.

– Вы двое хотя бы представляете, сколько сейчас времени? – набросился он на Фэй и Берти.

– Извините, мистер Ха, – сказала она. – День буквально ускользнул от меня.

– В самом деле? Вы хоть раз подумали о ком-нибудь из

нас, пока мы стояли и ждали вашего прибытия? Тратили драгоценное время и били баклуши, когда уже могли бы звонить, м-м-м? – Мистер Ходжсон всегда считал непостижимым, что день не вращается вокруг одной только колокольной практики. Хотя в этот вечер он был необычайно раздраженным, даже по его меркам.

– Простите, мистер Ха, я ехала так быстро, как...

– Ох, в этом я не сомневаюсь. Но где ты была?

– Я... занималась кое-чем. Для организованного сбора кастрюль, все такое. В воскресенье я приду вовремя. Обещаю.

Со стороны других звонарей слышались перешептывания и шумные вдохи, а их взгляды украдкой забегали по сторонам.

– В воскресенье практики не будет, – заявил мистер Ходжсон, его верхняя губа дрожала. Остальные звонари выглядели столь же угрюмыми, и, хмурясь, сматывали свои канаты.

– Что... что произошло? – спросила Фэй. – Кто умер?

– Про это говорили по радио, – сказал Берти. – Париж оккупирован нацистами. Ужасные новости.

– Хуже, Берти, еще хуже, – запричитал мистер Ходжсон. – Больше никаких колокольных звонов. Запрещено до конца войны!

– Запрещено? – Голос Фэй стал выше на октаву. – Кем запрещено? Неужели можно наложить такой запрет?

– Весть пришла из епархии и военного министерства. Звон любых церковных колоколов запрещен до дальнейших

распоряжений, – сказал мистер Ходжсон, а затем добавил, закатив глаза: – За исключением периода воздушных налетов.

– А как же четверть звона в воскресенье? В память о маме?

Четверть звона – долгий, длиною почти в час, процесс, для которого требовались опытные звонари. Его исполняли по особым случаям. Фэй никогда раньше не принимала в этом участия, но теперь она была готова, и мистер Ходжсон предложил устроить четверть звона в честь годовщины смерти ее матери. Фэй сомневалась – ей не нравилось, когда другие люди заставляли ее думать о маме, – но мистер Ходжсон настаивал, и она уступила.

– К сожалению, мы вынуждены его отменить, – сказал он.

– Нет, нет, это невозможно. Мой... мой первый раз. Так нечестно. Они должны сделать исключение для одной маленькой четверти звона, мистер Ходжсон, пожалуйста.

– Исключение? И почему молодые люди всегда считают, будто правила писаны не для них, а?

– Я не хочу нарушать никаких правил, мистер Ха, но послушайте, я... – Фэй понизила голос и огляделась, в то время как остальные звонари гуськом вышли из комнаты и начали опасный спуск по ступеням винтовой лестницы. – Я обнаружила новый метод.

Мистер Ходжсон вздрогнул в предвкушении. В новых методах не было ничего необычного – он и сам придумал

несколько, – но он всегда был рад попробовать что-нибудь неизведанное.

– Правда? Где?

Фэй заметила, что Берти слоняется возле узкого каменного входа в звонницу.

– Берти, можешь передать папе, что я буду через пару минут?

– О, м-м, да, да, конечно, – покраснев, произнес ее друг, прежде чем повернуться боком, чтобы протиснуться к выходу.

Фэй почувствовала укол стыда за то, что спровадила Берти, но если бы он стал свидетелем того, что последовало далее, то понял бы, что в ее книге заключено нечто большее, чем просто рецепт пудинга с вареньем.

– Минутку, мистер Ха, – сказала она, расстегнув сумку, достала книгу и пролиставала ее, пока не нашла клочок бумаги. – Вот. – Она протянула его мистеру Ходжсону, и тот прищурился, воспроизводя метод в голове.

– Кефо... Кефа...

– Кефапепо, – подсказала Фэй. – Не спрашивайте, почему он так называется, я сама не знаю.

– Весьма необычно, – сбивчиво, но заинтригованно, сказал мистер Ходжсон. – Должен сказать, за все годы, что я провел с колоколами, никогда не встречал ничего подобного.

– Да, действительно необычно.

– Где ты его нашла?

– Он принадлежал маме.

– А, – скривил губы мистер Ходжсон. – Разумеется, это кое-что объясняет.

– Например?

– Прости меня, Фэй, но это полнейшая нелепица. Колокола просто дергаются, снова и снова. Боюсь, в результате мы не получим ничего, кроме шума. Неплохо, если ты попытаешься кого-то загипнотизировать, но совершенно неуместно в качестве колокольного метода. А что это внизу? *«Я сокрушаю гром, я терзаю зло, я изгоняю тьму»*. Ох, говорю же, весьма необычно. Если бы пришлось выбирать, я бы предложил простую четверть звона «Ровной Тройки Боба», но, увы, до особого распоряжения нам запрещено даже это. Возможно, лучше всего подождать, пока не закончится вся эта военная чушь, а потом поступить в соответствии с традицией, что скажешь?

– Но, мистер Ходжсон...

– Мне жаль, Фэй, правда жаль, – сочувственно ответил он. – Твоя мама была чудесным звонарем, но, боюсь, нам придется найти какой-нибудь другой способ почтить ее память. Больше никакого звона, пока не закончится эта проклятая война.

3

Зеленый Человек⁷

К тому времени, как Фэй и звонари добрались до «Зеленого Человека», дождь уже не просто лил как из ведра, а яростно хлестал по стенам паба. Заведение было построено в 1360 году и с тех самых пор пребывало в ветхом состоянии. Паб был почти таким же старым, как и колокольня, и это не было случайным совпадением. Звонари различались по степени преданности церкви – среди них можно встретить удивительное количество агностиков и атеистов, – но на протяжении веков подавляющее большинство разделяли неприкрытую страсть к местному элю и сидру.

Расписанная вручную вывеска с лиственным лицом зеленого человека скрипела под порывами ветра, когда звонари протолкнулись в дверь, торопясь укрыться от дождя и добраться до барной стойки. Мало кто мог встать у них на пути. В углу два старика играли в домино, а у камина спал блаженный. По меркам Вудвилла для пятничного вечера здесь было слишком тихо, но из-за проливного дождя и отключения света большинство постоянных посетителей остались дома

⁷ Зеленый человек (*англ.* Green Man) – мотив в искусстве раннего Средневековья, скульптура, рисунок или иное изображение человекоподобного лица в окружении листьев или как будто сделанного из них.

возле очага и радио.

Очки Фэй запотели, омытые теплым воздухом, и она была благодарна, ведь они помогли скрыть слезы, которые она не сдержала по пути от колокольни до паба. Шмыгнув носом, она сморгнула с глаз влагу и, прищурившись, сквозь пелену разглядела своего отца, Терренса, моющего пивные стаканы за барной стойкой.

Прокуренный воздух, свойственный общественным местам, затянул его лицо сеткой мелких морщин. Редеющие белые кудри на его голове напоминали облака на горизонте, но Терренс был внимателен, как и всегда. Это был его паб, и он знал каждого жителя деревни по фамилии и имени. Стоило Фэй зайти внутрь, как его взгляд тотчас метнулся к ней. Отец разглядывал ее через дно пинтового стакана, словно Нельсон, смотрящий в подзорную трубу.

– Эй, на палубе! А вот и лучшие компанологи деревни, – сказал он, с радостью употребляя слово, которое используют только те, кто не имеет отношения к колоколам, обнаружив в словаре существительное для обозначения звонарей и желая продемонстрировать друзьям-звонарям свою осведомленность.

– И изнывающие от жажды, – добавила Фэй; кожаная лямка сумки, отягощенной книгой ее матери, давила на плечо. – Одно мгновение, и я тебе помогу, – сказала она отцу, схватившись за лямку и метнувшись в узкий холл за стойкой. Фэй проверила, не смотрит ли отец в ее сторону, затем су-

нула сумку в укромный уголок возле банки с пенни, где ее невозможно было заметить, но не сумела удержаться от последнего взгляда на чудеса внутри. Фэй достала книгу и открыла ее на странице с рунами, магическими символами и рисунком ведьмы, летящей на метле.

– Что у тебя там, девочка? – раздался новый голос, напугавший Фэй. Она захлопнула книгу и обнаружила, что он принадлежал Арчибальду Крэддоку, который вышел из уборной, не смыв за собой и не вымыв руки. Тело Крэддока соответствовало его образу жизни, состоящему из эля, пирога, пюре и отдыха на свежем воздухе. С лысиной под фуражкой, он был закутан в длинное браконьерское пальто, которое смялось, когда он протискивался мимо Фэй в коридоре. Его ухмылка выглядела кривовато после трех выпитых пинт.

– Просто книга, – сказала Фэй, засовывая ее за банку с пенни. – Она называется «Не твое собачье дело, Арчибальд Крэддок» и написана мной. Уверена, она будет пользоваться популярностью.

На долю секунды ей показалось, что Крэддок вот-вот оттолкнет ее и схватит книгу, но его мало интересовали детские забавы, не говоря уже о чтении. Вместо этого он зашелся пьяным кашлем, взъерошил Фэй волосы и вернулся к своему обычному пристанищу в конце барной стойки.

Переведя дыхание, Фэй вытерла очки о блузку, поправила заколку в волосах, спрятала книгу в сумку и заняла свое место возле бочек рядом с отцом.

– Терренс, до тебя уже дошли ужасные вести? – спросил мистер Ходжсон, воздев руки, словно вещая с высоты.

– Нацисты захватили Париж, мистер Ха, – ответил Терренс. – Плохи дела.

– Нет, нет, нет, я вовсе не об этом, – завыл старший звонарь, стукнув кулаком по стойке.

– Хм... Поговаривают о том, чтобы просить еще один пенни за пинту пива, дабы оплатить военные нужды?

– Нет! Весь церковный звон теперь под запретом до особого распоряжения, за исключением случаев воздушных налетов. Об этом объявили по радио. Разве ты не слышал?

– Ох. – Терренс работал в этом пабе с тех пор, как научился ходить. Когда-то давно он объяснил Фэй, что проще позволить покупателям излить свою тоску, после чего продать им пинту-другую. Несогласие с ними или указание на то, что колокола доставляют чертово неудобство жителям, приведет лишь к потере клиентов. – О, это... ужасно. Не правда ли, Фэй?

– Перестань, папа, не притворяйся, что это не самый счастливый день в твоей жизни.

– Не надо так, дочка. Я знаю, как много значил для тебя и твоей матери этот старый трезвон. Разве ты не собиралась в это воскресенье устроить в ее память затяжной дин-дон?

– Четверть звона, – голос Фэй надломился. – Уже нет.

– О, мне очень жаль, Фэй, – сказал Терренс, кладя руку на плечо дочери. – Нет, правда. Ты ведь с таким нетерпением

ем ждала этого, дочка. – Застигнутая врасплох внезапным и искренним сочувствием отца, она подумала, что может расплакаться. Разумеется, он должен был тут же все испортить.

– Значит ли это, что я смогу выспаться?

– Пап, – рявкнула Фэй, наливая мистеру Ходжсону пинту пива.

– Конечно, я не могу сказать, что рад этому, – произнес мистер Ходжсон. – Но у нас есть долг, и мы должны его исполнить.

Остальные звонари заворчали в знак согласия, а Берти добавил:

– Как сказал мистер Черчилль – мы никогда не должны сдаваться.

– Чушь собачья, – донесся хриплый голос Крэддока с другого конца барной стойки, и все обернулись к нему.

Фэй видела, что лицо Берти стало белым, как молоко. Парень опустил взгляд на свою пинту в ожидании, когда земля разверзнется и поглотит его. Мистер Ходжсон, напротив, заговорил с храбростью человека, доблестно сражавшегося в битве при Монсе в 1914 году.

– Прошу прощения? – спросил старший звонарь.

– Я сказал, что это чушь собачья, ерунда, полнейшая глупость и пустая болтовня, – ответил Крэддок, не отрывая взгляда от барной стойки. – «Никогда не сдавайся», мать твою. Нас надули в Дюнкерке, лягушатников надули сегодня. Поляки, голландцы, бельгийцы – всем конец, и мы будем

следующими. Гитлеровское наступление невозможно остановить, а Муссолини и макаронники только что объявили нам войну. – Крэддок сделал долгую затяжку. – Нам не следовало вмешиваться.

– Это измена, мистер Крэддок, – заявил мистер Ходжсон. – Я обязан доложить о вас.

– Это здравый смысл, старый дурак, – возразил окутанный дымом Крэддок. – Мы должны остановиться сейчас и заключить сделку, прежде чем они отправят на смерть еще больше наших парней. А пока от нас ждут, что земля будет возделываться женщинами, калеками и трусами.

– И кто из них ты? – спросила Фэй, сверкнув ему улыбкой.

Берти фыркнул и покраснел, хотя остальные звонари воззрились на нее с ужасом.

Здоровяк зарычал и вскочил на ноги, стул заскреб по половицам, напоминая стон раненого зверя.

– Что ты сказала?.. – Крэддок двинулся к Фэй, пол паба заскрипел под его весом.

– Полегче, Арчи, – вмешался Терренс. – Она не имела в виду ничего плохого.

– О, совсем наоборот. – Фэй стояла на своем, задаваясь вопросом, достаточно ли стойки между ней и громадиной Крэддоком, чтобы защитить ее.

– Фэй, рот на замок. – Терренс всю жизнь знал Крэддока с его вспыльчивостью и быстрыми кулаками. Фэй, разумеется, слышала разные истории, но ей не довелось увидеть, как

Крэддок в приступе ярости разнес бар в щепки из-за пролитой пинты пива.

Она понизила тон и скрестила руки на груди.

– Я лишь хочу сказать, что если тебе так это не нравится, то, может, стоит тоже пойти и сразиться с нацистами?

– Он слишком стар, – выпалил Берти.

Терренс одарил его красноречивым взглядом: *«И ты тоже можешь заткнуться!»*

Крэддок тут же повернулся к Берти.

– Я был на прошлой войне, – сказал он, и мальчик съелся. – Я свое дело сделал и больше туда не пойду. Лучше останусь здесь с женщинами, калеками, трусами... и ведьмами.

Фэй пробила дрожь от чувства вины, и она едва не бросила взгляд на томик, спрятанный за банкой с пенни. Но Крэддок не смотрел ни на нее, ни на книгу. Он повернул голову к женщине, сидящей рядом с двумя стариками, играющими в домино. Волосы Фэй встали дыбом. Она могла бы поклясться, что всего минуту назад женщины там не было, но теперь она устроилась в кресле под старой фотографией цвета сепии, запечатлевшей сборщиков хмеля.

У Шарлотты Саутхилл были белоснежные волосы, бледное лицо и кроваво-красная помада. Она курила глиняную трубку и читала черную книгу без надписей на обложке; в ее больших глазах отражался свет камина, когда она ответила на взгляд Крэддока загадочной улыбкой.

Фэй наблюдала, как тот пытается одолеть Шарлотту взглядом. Лицо Крэддока скривилось, а над верхней губой выступили бисеринки пота. Женщина аккуратно закрыла книгу, встала и скользнула к барной стойке, стройная, как стебель розы, в своем меховом пальто. Очки Фэй снова начали запотевать.

Шарлотта Саутхилл бросила на стойку несколько монет. Она не часто заглядывала в «Зеленого Человека», но, когда приходила, непременно заказывала джин. Фэй кивнула и налила ей порцию.

– Добрый вечер, мисс Шарлотта, – весело сказал Терренс. – Не видел, что вы здесь.

Она промолчала, не сводя взгляда с Крэддока.

Браконьер наклонился к ней так близко, что Фэй подумала, будто он собирается поцеловать Шарлотту.

– Я тебя не боюсь, – сказал он, скривив губу, а затем добавил: – Ведьма.

Значит, никаких поцелуев. Фэй подвинула джин к локтю Шарлотты.

В момент, когда она его схватила, ее рука превратилась в размытое пятно.

Крэддок вздрогнул.

Совсем слегка. Всего лишь дернулся глаз, и дрогнула рука, но все это заметили. Звонари пихали друг друга локтями. Улыбка Шарлотты стала шире, и она залпом осушила стакан с джином.

Крэддок плотнее запахнул пальто и, пробормотав нечто невнятное, вышел под дождь, хлопнув за собой дверь.

На мгновение единственным звуком оставалось потрескивание огня, но затем мисс Берджесс заказала порцию светлого эля, и в пабе возобновилась дружеская беседа.

Фэй лихорадочно пыталась вспомнить все сплетни, которые когда-либо слышала о Шарлотте Саутхилл. Толки о принадлежности к ведьмам были привычным делом; кто-то поговаривал, что она была потомком цыган, а самый нелепый слух исходил от мистера Лоуфа, распорядителя похоронного бюро, который утверждал, что Шарлотте более трехсот лет и она прямой потомок Матушки Шиптон⁸, переживший чуму и заключивший договор с дьяволом, дабы обрести бессмертие. Мистер Лоуф не испытал бы восторга, узнай он, что его догадки ближе остальных к истине.

– Налить еще? – спросила Фэй.

Глядя не столько на девочку, сколько на пространство возле нее, Шарлотта дернула головой, словно гончая, учуявшая добычу. Затем опустила взгляд на Фэй, и табак в ее трубке засиял красным. Шарлотта мягко выдохнула дым изо рта и ноздрей, и Фэй почувствовала, как он окутывает ее. То был не обычный дым, от которого часто слезились глаза, – этот казался теплее и слаще, с оттенком меда.

⁸ Матушка Шиптон (1488–1561 гг.) – британская ясновидящая и пророчица. При рождении ей дали имя Урсула Саутель, а позже за колдовство прозвали Йоркширской ведьмой.

– А чем ты сегодня занималась? – хрипло спросила Шарлотта.

– Ну, знаете, всякой всячиной, вносила свою лепту в сбор, ища кастрюли, – Фэй поневоле вдохнула немного дыма и слегка закашлялась. Она перевела взгляд на отца. Тот болтал со звонарями и разносил пинты, не подозревая о разговоре Фэй и Шарлотты.

– Чем-нибудь еще? – вновь спросила мисс Саутхилл.

Широко раскрыв глаза, Фэй будто приросла ногами к полу, сбита с толку внезапным интересом Шарлотты.

– Э-э... нет, – ответила юная Брайт, соображая: «*Она знает! Знает про книгу! Но откуда?*»

– Чем-нибудь особенным? – Шарлотта снова затянулась, выдыхая еще больше медового дыма. Она приподняла бровь, и Фэй почувствовала непреодолимое желание поведать ей все о книге: о том, как она ее нашла и что обнаружилось внутри, а также обо всех своих противоречивых мыслях о матери.

Разум Фэй был затуманен и мягок, словно подушка из утиного пуха. Она покачала головой, но ее губы покалывало, мир вокруг кружился, и единственным четким пятном оставалось лицо Шарлотты. Фэй пришлось хорошенько подумать, чтобы убедиться, что единственными словами, сорвавшимися с ее губ, станут:

– Я гуляла.

Шарлотта прищурилась. И снова улыбнулась.

– Как чудесно, – сказала она, а затем добавила, будто прийдя к неутешительному выводу: – Это не ты. Приятного вечера.

Затянувшись в последний раз, она накинула капюшон и направилась к двери.

Туман в голове Фэй рассеялся, заложенность ушей прошла, а собака возле камина внезапно залаяла. Реальность нахлынула на нее, будто она очнулась от грез. Голоса стали отчетливее, и она услышала, как к ней обращается мистер Ходжсон.

– Говори что хочешь об этой Шарлотте, – сказал он, постукивая пальцами по стойке, а затем добавил, указав на Фэй: – Но она была сама доброта по отношению к твоей матери. Ты знала, что они были подругами не разлей вода?

– Нет, – ответила Фэй, повернувшись к отцу, который хмуро уставился на мистера Ходжсона. – Я не знала. И мне интересно, папа, когда ты собирался рассказать мне об этом?

– А? Что? – взревел Терренс с таким видом, будто готовился убить старшего звонаря.

– Ты начнешь прямо сейчас, – велела ему Фэй.

4

Полуночное свидание миссис Тич

– Встреча при свете луны, миссис Тич?

Филомена Тич вошла в круг стоячих камней так, будто это место принадлежало ей. Она действительно привлекала внимание везде, куда бы ни приезжала. Она была крупной женщиной, фигурой напоминала спелую грушу и возвышалась над большинством мужчин. Она двигалась с царственной грацией, вздернув подбородок, а меж круглых щек едва виднелся намек на дерзкую ухмылку. Большую часть времени она носила импозантное платье и босоножки. Сегодня ночью дождь и легкий холодок застали миссис Тич в шерстяном пальто женского добровольческого корпуса, шляпе и удобных туфлях.

– Если хочешь поболтать, просто постучи в дверь, – сказала она ожидавшей ее женщине. – Подсовывание записок в почтовый ящик и приглашение в оккультные места посреди ночи может заставить одинокую вдову задуматься. Какого черта тебе нужно, женщина? – Последнее слово прозвучало хлестко. Миссис Тич обладала голосом, достойным лучшей школы ораторского искусства, но время от времени ее естественный заурядный говор эстуария Темзы давал о себе знать, вырываясь бранью.

Шарлотта Саутхилл стояла у подножия жертвенного камня, расположенного ровно в центре круга. Миссис Тич заняла свое место с противоположной стороны. Обе женщины давно решили, что это хорошая идея – держаться друг от друга на небольшом расстоянии. Камни вокруг них не шли ни в какое сравнение со Стоунхенджем, но они были намного старше. Скрытые в уголке леса, куда забредали лишь немногие странники, они стали идеальным местом встречи для тех, кто любил хранить тайны.

– Как бы это сказать? – Шарлотта чиркнула спичкой и подожгла табак в глиняной трубке. – Занималась ли ты... – Она сделала несколько затяжек. – Тем, чем не должна была заниматься?

– Не думаю, что мне нравится ваш тон, мадам.

– Нравится или нет, вопрос остается открытым. Так занималась?

– Нет, конечно же нет.

Шарлотта выдохнула, и дым закружился вокруг нее.

– Но кто-то обратился к силе, – сказала она.

– Что ж, это не я. И как ты смеешь меня обвинять?

– Простите, миссис Тич, но за вами уже числится грешок.

– Всего один. – Глаза миссис Тич заблестели от слез, а голос сорвался. – Одна маленькая ошибка, да и то совершенная давным-давно.

– Можешь не ломаться, Филомена. Меня это не трогает.

– Разумеется, не трогает. И знаешь почему? Потому что

ты бессердечная...

– Что-то прорвалось.

Миссис Тич смахнула слезы.

– Откуда?

– Снизу.

– Ох. Вот дерьмо.

– Именно.

– Ты уверена?

– Ощущение, будто кто-то оставил дверь открытой, и я чувствую сквозняк, – сказала Шарлотта. – Этот кто-то могущественен и затаился среди нас. И он бы не сумел справиться в одиночку.

– Если это не ты и не я, то кто? – спросила миссис Тич и ахнула. – О-о, ты думаешь, это дочка Кэтрин?

– Фэй? Нет. – Шарлотта покачала головой. – Я разговаривала с ней сегодня вечером. Она еще ребенок. Наивная. Без сил. Не думаю, что она имеет к этому какое-то отношение.

– Что ты ей сказала? Ей не положено знать... – Миссис Тич замолчала, уловив запах табака Шарлотты. – Ох, ты неисправима. Пыталась прочесть мысли бедняжки?

– Всего лишь мельком заглянула.

– Шарлотта, тебе не стоит копаться в голове юной леди. Бог знает, что там можно найти.

– Находить там нечего. Разум девчонки пуст.

– Она всегда казалась мне довольно умной.

– Возможно, но ни один из талантов матери ей не пере-

дался.

– Тогда кто же это еще может быть?

– Это я и намерена выяснить. Подумаю об этом утром. Приходи и посмотрим, что удастся выяснить. Есть ритуал, который я давно хотела попробовать. – Шарлотта кивнула, уже погрузившись в свои мысли, но затем добавила: – Мне нужна жаба.

– Я могу попробовать спиритический сеанс, посмотреть, есть ли...

– Ты под надзором, – отрезала Шарлотта.

Миссис Тич сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– Тогда зачем тащить меня к камням в этот безбожный час, если тебе не нужна моя помощь?

– Я должна была задать вопрос, – пожала плечами Шарлотта. – И при этом смотреть тебе в глаза.

Миссис Тич ступила на жертвенный камень, сверля Шарлотту взглядом.

– А кто назначил тебя главной?

– Вера Файвтрис.

– В самом деле?

– Да, и ты тоже, в некотором смысле. Когда не подчинилась нашим законам.

– Однажды, – дрожащим голосом произнесла миссис Тич, – я надеюсь, твое сердце будет разбито так же, как мое. Только тогда ты сумеешь понять, через что я прошла. Но о чем это я? Чтобы испытать сердечную боль, тебе придется

для начала *обзавестись* сердцем.

Красные губы Шарлотты растянулись в улыбке.

– У меня есть сердце, миссис Тич. Но я достаточно мудра, чтобы держать его при себе.

– Спасибо, что потратила мое время, – бросила миссис Тич, поворачиваясь и направляясь обратно в деревню. Шарлотта смотрела ей вслед, лениво размышляя, где бы в такое время суток отыскать жабу.

5

Погасите свет

– Погасите свет!

– Отвали!

Дождь барабанил по стальному шлему Фэй с эмблемой ПВТ⁹, пока она шла по темным улицам Вудвилла с мистером Пейном, торговцем газет. Оба входили в состав патруля воздушной тревоги. Они должны были убедиться, что ночью в окнах домов не видно света. Правительство сообщило, что пилоты люфтваффе не только использовали огни городов и деревень для навигации, но и могли нацелить на них бомбы. Эти правила создали для спасения жизней, но не всем нравилось прятаться по ночам в своих домах за плотными занавесками, что приводило к жарким спорам.

– Я сказал, погасите свет! – повторил мистер Пейн.

– А я сказал, отвали! – ответил голос из дома на углу Богсхоул-роуд.

– Не заставляйте меня подниматься к вам, – крикнул патрульный. – Знаете ли, я имею полное право выписать вам штраф.

Шторы в доме нарушителя задернулись, и снова стало темно. Раньше в деревне по ночам было довольно оживлен-

⁹ Патруль воздушной тревоги.

но, даже после закрытия питейных заведений, но правила распространялись на автомобили, фонари и даже велосипедные огни, поэтому люди оставались дома. Стало так темно, что миссис Браун на конюшне покрасила своих лошадей в белый цвет, после того как одну из них сбила машина. Фэй на всякий случай тоже перекрасила в белый крылья велосипеда.

– Это дом мистера и миссис Могг, – заметила она, когда к ней вернулось ночное зрение. – Он начнет жаловаться, когда увидит вас в следующий раз.

– Будто это изменит ситуацию. – Мистер Пейн был здоровяком, при ходьбе переваливающимся с боку на бок. Он разговаривал низким голосом, хмурясь и поджимая губы, из-за чего те, кто не знал Фредди Пейна, принимали его за простачка. Он был кем угодно, но только не им, и Фэй нравилось его упрямое чувство долга. – Напомни мне позже внести это в журнал. Как насчет лимонного шербета? – Он протянул Фэй небольшой коричневый бумажный сверток, но она не ответила. В ее голове все еще царил полный сумбур после того, что она узнала ранее в «Зеленом Человеке».

Мама, ее мама, Кэтрин Брайт, урожденная Уинтер, дружила с ведьмой.

И не просто какой-то ведьмой – не то чтобы Фэй знала других, – а с Шарлоттой Саутхилл, которая, по слухам, могла заставить ваше молоко свернуться, если вы бросите в ее сторону хоть один насмешливый взгляд.

Фэй допрашивала отца до самого закрытия паба, но он замолчал и отказался говорить что-либо еще. Тогда она повернулась к мистеру Ходжсону, который, следуя примеру Терренса, уклончиво заявил, что ему нужно уйти пораньше, оставив полпинты своего светлого эля недопитым. Берти настолько смутило поведение мистера Ходжсона, что он задался вопросом, не подменили ли старшего звонаря немецким шпионом, и это стало новой темой для обсуждения на весь оставшийся вечер.

Ближе к закрытию паба пришел мистер Пейн, чтобы забрать Фэй на патрулирование. Она надела шлем, приколола к лацкану серебряный значок ПВТ, перекинула сумку с противогазом через плечо и вышла в ночь с неторопливым торговцем газет.

Они начали от «Зеленого Человека» и направились к сторожевому посту в конце Вуд-роуд. К моменту завершения смены им предстояло охватить всю деревню.

– Просыпайся, соня, – сказал мистер Пейн, тряся пакетом с лимонным шербетом перед носом у Фэй.

Звук вывел ее из оцепенения.

– Ой, простите, спасибо большое, – сказала она, выудив одну из маленьких желтых конфет, и, сглотнув слюну, отправила ее в рот. Еще одна причина, чтобы отправиться в патруль с владельцем деревенского газетного киоска и кондитерской.

– Спасибо, что вышла сегодня, Фэй, – сказал он. – Неврал-

гия бедняги Кеннета переросла в хроническую форму. Ты – гордость ПВТ.

– Патрулирование вытаскивает меня на улицу и... ПОГАСИТЕ СВЕТ! – крикнула она через улицу, где в окне дома викария виднелся силуэт преподобного Джейкобса, пишущего проповедь при свете свечи. Он поспешил к окну, махнул рукой в знак извинения и задернул занавески. – И я могу кричать на людей, а это как раз то, что нужно девушке после тяжелого дня.

– Ты все правильно делаешь, – сказал мистер Пейн, похаживая свой лимонный шербет. – Я знаю, что случилось в ОМО¹⁰.

– Ничего там не случилось, – запротестовала Фэй.

– Слышал, они над тобой смеялись.

– Не смеялись. – Фэй поджала губы, краснея от воспоминаний. Сразу после Дюнкерка по радио объявили набор добровольцев в отряды местной обороны. Они были нужны для защиты страны в случае вторжения немцев на территорию оккупированной Франции. Фэй одной из первых вызвалась добровольцем. – Это больше походило на насмешку. Сказали, что девушек не берут.

– Зачем тебе вообще к ним присоединиться? – спросил мистер Пейн, хрустя остатками лимонного шербета. – Это же кучка стариков, играющих в солдатиков с метлами в руках.

– Они приняли Берти. Он слишком молод, но его запи-

¹⁰ Отряды местной обороны.

сали, потому что он мальчик, проявивший огромное рвение и умеющий готовить вкусный чай. Он говорит, что там есть оружие.

– У них есть дробовик Морриса Маршалла и старый мушкетон Гарри Ньютона. У остальных метлы и нарукавные повязки, благодаря которым они думают, что похожи на чертова Бульдога Драммонда¹¹. Едва ли они ровня нацистскому блицкригу. Знаешь, как их все называют? «Презренные старики», бригада «Посмотри, пригнись и исчезни», «Последние добровольцы», «Армия папаш» – ПОГАСИТЕ СВЕТ! А в ПВТ ты хотя бы получаешь два фунта в неделю, шлем и серебряный значок.

– И лимонный шербет.

– Только если ты достаточно хорош.

– Берти сказал, что даст мне пройтись с оружием, когда его получит.

– Не стоит обольщаться.

– Я просто хочу быть полезной, – заявила Фэй. – Но никто не желает принимать меня в свои ряды.

Она бросила школу, когда ей исполнилось пятнадцать, и с тех пор помогала отцу в пабе. Фэй ладила с посетителями, у нее была голова на плечах, она хорошо разбиралась в цифрах и просто обожала пикантные библиотечные детективы с

¹¹ Бульдог Драммонд (англ. Bulldog Drummond) – литературный персонаж, созданный Саппером (псевдоним Германа Сирила Макнейла, 1888–1937). Считается одним из прототипов Джеймса Бонда.

парочкой неожиданных поворотов.

Ей не очень хотелось выходить замуж и заводить детей, хотя именно это и ожидалось от девушек ее возраста. На ней плохо смотрелось платье, и она не была способна вскружить мальчишкам головы. Фэй предпочитала носить комбинезон с глубокими карманами и пару хороших ботинок. Временами она думала, что могла бы стать учителем, но ни один из знакомых ей учителей не был похож на нее, поэтому она решила, что не подойдет для этой роли.

Отец сказал, что ей не стоит слишком волноваться, и это было очень мило с его стороны, хотя она подозревала, что он надеялся, будто она проработает за барной стойкой всю свою жизнь и полноценно займется пабом, когда сам он выйдет на пенсию.

Фэй просто хотела помогать людям, хотя некоторые думали, что она сует свой нос куда не следует. Неважно, что это было – протекающая крыша, спущенная шина или сбор пайка, – она обязательно вызывалась помочь. К сожалению, на бирже труда не существовало профессии «помощница», поэтому Фэй бралась то за одну задачу, то за другую, делая все, что в ее силах.

Они подошли к сторожевому посту, крошечному бетонному укрытию, окруженному мешками с песком, в конце Вуд-роуд. Фэй и мистер Пейн укрылись внутри, и он разлил чай из термоса в пару жестяных кружек.

Деревня погрузилась в тишину. Дома и магазины были об-

ложены мешками с песком, а их окна заклеены лентой, чтобы в случае падения бомбы не разлетались стекла. Все шторы были плотно задернуты. А когда дождь утих, облака на небе расплылись в стороны, обнажая скопления звезд. Фэй любила ночное патрулирование. Звезды сияли без тусклого света уличных фонарей, заглушающих их мерцание. Стоило ей увидеть созвездие Большой Медведицы, как ее мысли вернулись к тому, что мистер Ходжсон сказал о Шарлотте и ее матери. *Подруги не разлей вода.*

– Мистер Пейн, – она закусила губу, прежде чем спросить. – Вы хорошо знали мою маму?

– Я знаю всех в этой деревне, Фэй. В этом преимущество работы торговцем газет. Рано или поздно каждый житель стучится в мою дверь. Каждый понедельник твоя дражайшая матушка заглядывала за экземпляром «Женского еженедельника» и плиткой шоколада «Кэдбери». Прекрасная женщина. Всегда была вежливой, говорила «спасибо» и приносила нужную сумму, без сдачи. Такие вещи не забываются.

– Она когда-нибудь делала что-нибудь... необычное?

– Что значит «необычное»?

– Что-нибудь... странное. Причудливое. Не знаю... э-э... ведьминское.

Мистер Пейн отхлебнул чай, размышляя.

– Нет, – произнес он.

Фэй надула щеки. Вот так-то. Ее мать была обычной жен-

щиной, покупавшей газеты и шоколад, и никогда не...

– За исключением одного случая, – добавил мистер Пейн. – Когда у меня от нее побежали мурашки по коже.

– Что за случай? И почему у вас пошли мурашки? – спросила Фэй. – Что она такого сделала?

– Ничего ужасного, понимаешь ли, просто... это было странно.

– Насколько странно?

Мистер Пейн встал, закручивая крышку термоса.

– Перерыв на чай окончен, – сказал он, быстрым шагом направляясь к Гиббет-лейн.

– Насколько, мистер Пейн? – Фэй поспешила за ним. – Мистер Пейн, расскажите мне, пожалуйста.

Он замедлил шаг и почесал за ухом.

– Я был еще мальчишкой, – начал он, – помогал сборщикам хмеля, которые приезжали на уборку урожая. Один воробышек тогда застрял в мешке. Бедняжка запаниковал, его сердце остановилось, и он упал замертво прямо перед нами. Твердый, как доска, и вот с такими лапками. – Мистер Пейн поднял руки, изображая одубевшие когти, скосил глаза и высунул язык изо рта. – Твоя мама, будучи тогда немногим старше, чем ты сейчас, была неподалеку. Она услышала шум, и, подойдя, вынула воробья, затем взяла его в ладонь и прошептала что-то ему на ухо. И черт меня побери, если это треклятое создание не ожило и не улетело. Твоя матушка не приняла ни похвалы, ни благодарности, ни даже предложе-

ния выпить пива. Она убежала, будто сделала что-то... будто совершила нечто такое, что ей не велено. Половина сборщиков хмеля сочли ее новым Франциском Ассизским¹², другая же половина думала, что она... – Мистер Пейн остановился, замолчав. У Фэй появилось ощущение, что в прошлом он уже рассказывал эту историю с тем же самым финалом бесчисленному количеству других людей, но только не дочери главного действующего лица.

– Давайте, произнесите это, – подтолкнула его Фэй, скрепив руки на груди.

– Не думаю, что мне следует это делать.

– Ведьма?

– Это сказала ты, а не я. Лично я думаю, что у воробышка случился приступ, а тепло руки твоей матери помогло ему прийти в себя. Она была прекрасной женщиной, твоя матушка. Как я уже говорил, всегда была вежливой, благодарила, и ей не требовалось сдачи.

– Она хорошо знала мисс Шарлотту?

– Мисс Шарлотту? Для чего ты спрашиваешь о ней? Она настоящая ночная бабочка, если ты понимаешь, о чем я.

Фэй не понимала, но упорно продолжала задавать вопросы:

– Правда? Так она знала мою маму?

– Не особо, – сказал он. – Я слышал, что у них имелись ка-

¹² Франциск Ассизский (1182–1226) – католический святой, известный тем, что, по преданию, воскрешал мертвых и исцелял тяжелобольных.

кие-то разногласия. Но не спрашивай меня о подробностях, потому что их нет. Почему бы тебе не задать этот вопрос своему отцу?

– Я так и сделала. Но он постоянно меняет тему.

– Дело в том, Фэй, что эта деревня, – сказал он, – сама по себе диковинная, странная, причудливая и колдовская. Ты знала, что летом 1911 года воды реки Вуд окрасились в красный? А рядом с монастырем есть тропинка, и если оставить на ней телегу без присмотра, то она сама покатится в гору. Еще считается, что если держать магнитный компас посреди стоячих камней в лесу, то сойдешь с ума. Диковинное, странное, причудливое и колдовское – стандартное описание для этого места, Фэй. Буквально на этой неделе Ларри Делл жаловался, что кто-то стащил всех пугал с его фермы. – Мистер Пейн сделал еще глоток чая.

– Ларри Делл... это тот, кто держит капустную ферму? У него еще вмятина на голове.

– Да, это он. В прошлую пятницу видел его в «Сердце и руке»...

– Что вы делали в «Сердце и руке»? – Фэй не нравилось, когда жители деревни посещали другие пабы.

– То был вечер дартса. Так где я остановился?

– Очевидно, в чужом пабе.

– Где я остановился в *своей истории*?

– Кто-то стащил пугала Ларри Делла.

– Точно. И вот он – диковинный, странный, причудливый

и колдовской момент. Ларри сказал, что вор оставил крестовины. Как будто пугала просто спрыгнули с них и ушли. А вчера до меня дошли слухи о сыне Дорис, Герберте.

– Разве он сейчас не в море?

– На днях как раз вернулся на берег. Он ехал домой на поезде из Портсмута, и ты никогда не догадаешься, что он увидел по прибытии на станцию Терфилд.

Фэй пожала плечами.

– Пугал Ларри Делла?

Мистер Пейн улыбнулся, затем открыл рот, дабы что-то произнести, но тут же склонил голову, прислушиваясь.

– Что случилось? – спросила Фэй.

Он поднял палец, призывая к молчанию. Его голос понизился до шепота.

– Там кто-то есть.

– Где? – спросила Фэй одними губами, и мистер Пейн указал туда, где Гиббет-лейн сворачивала на узкую лесную тропинку. Из темноты доносился звук ритмичных шагов. Чьи-то каблуки постукивали по булыжникам, приближаясь.

Только сегодня на второй пост доставили листовку под названием «Когда придут захватчики», и Берти забил голову Фэй рассказами о немецких десантниках, падающих с неба, чтобы подло атаковать пулеметами и гранатами. Сердце Фэй застучало в ушах, и она пожалела, что под рукой нет дробовика Морриса Маршалла или старого мушкетона Гарри Ньютона. Сгодились бы даже метла.

– Кто идет? – крикнул мистер Пейн. Ответа не последовало. Фэй видела, как он сжал кулаки, когда позвал снова. – Кто идет?

Шаги становились все ближе и ближе.

6

Короткая встреча

Филомена Тич пробиралась сквозь полночный мрак леса. Большинство людей испугались бы гнетущей темноты, но ей здесь нечего было бояться. Лес – ее давний друг. Существовали только ей ведомые тропы, и теперь она шла по одной из них в деревню.

Столкновение с Шарлоттой заставило кровь миссис Тич вскипеть. Отчитывала ее за нарушение правил, будто Филомена какая-то непослушная школьница. Да как она посмела, в самом деле! Миссис Тич собиралась раскрыть Шарлотте правду, но эта высокомерная корова ясно дала понять, что помощь ей не требуется, так что пусть катится куда подальше.

Тем не менее если Шарлотта права насчет потустороннего вторжения... не стоило об этом и думать. Никто в здравом уме не осмелится открыть дверь кому-нибудь – *чему-нибудь* – по ту сторону. Собственный маленький казус миссис Тич произошел совершенно случайно, и она сразу же приняла меры, дабы исправить свою ошибку.

Тропинка вела к опушке леса, где деревья располагались на почтительном расстоянии друг от друга, скалы уходили в море, а небо и вода сливались в безмолвную завесу тьмы.

Далеко внизу волны с шипением накатывали на галечные пляжи. Меловая дорожка дыбилась ухабами, и миссис Тич приходилось внимательно смотреть под ноги, пока она шла к Гиббет-лейн. Известь сменилась тропой, а затем дорогой, вымощенной булыжником. Каблуки Филомены цокали по камню.

Она не виновата во вторжении. Не имеет к нему никакого отношения. Да, однажды она поступила неправильно, но причиной тому послужили траур и любовь. В ее действиях отсутствовал злой умысел. Ей известно, что она нарушила правила, но они были несправедливы, и она все еще горевала, желая только...

– Кто идет? – проревел голос из темноты.

– Матерь божья, – миссис Тич схватилась за грудь. Очнувшись от гневного оцепенения, она обнаружила, что покинула пределы леса и оказалась в конце Гиббет-лейн. Две тени в шлемах ПВТ прижались друг к другу в темноте. Одна значительно возвышалась над другой. Знакомые очертания дружелюбного торговца табаком и сладостями. – Фредди? Фредди Пейн, это ты? Чуть не довел меня до сердечного приступа, болван.

– Ой, простите, миссис Тич, – крикнул он, сдвинув шлем назад. – В наше время чрезмерная осторожность не помешает. Надеюсь, я не сильно вас напугал.

– Напугал, Фредди? Напугал? Я думаю, ты отнял у меня десять чертовых лет жизни. Желаю вам обоим спокойной но-

чи. – Она уже собиралась идти домой, когда раздался другой голос.

– Могу я узнать, что вы делали на улице в столь поздний час, миссис Тич?

Филомене потребовалось некоторое время, чтобы распознать, кому принадлежит голос.

– Фэй? Фэй Брайт? – Миссис Тич закусила губу, чтобы не выпалить: *«Я как раз о тебе говорила»*. Вместо этого она подошла на шаг ближе к юной девушке, чье лицо в бледном лунном свете казалось голубым. – Ох, посмотри на себя, ты вносишь лепту в общее дело. Как очаровательно. Вдохновляешь девушек во всем мире. Что ж, становится прохладно, так что я пойду сварю какао и...

– Прошу прощения, миссис Тич, – упорствовала Фэй, – но вы не ответили на мой вопрос.

«Прямо как ее мать», – подумала Филомена. Кэтрин Уинтер вечно не знала, когда следует держать язык за зубами. Всегда задавала неуместные вопросы. Постоянно везде лезла и совала нос куда не надо. Одна из множества причин, почему она нравилась миссис Тич.

– Мы обязаны сообщать о любом подозрительном поведении, – продолжала Фэй. – И чья-то прогулка по лесу посреди ночи может быть расценена как подозрительная, сами понимаете. Без обид.

– И не думала обижаться, юная леди. А теперь, если вы не возражаете, на улице морозно и...

Мистер Пейн преградил ей путь.

– Будьте добры, ответьте на вопрос, миссис Тич, – сказал он.

В юности она играла множество ведущих ролей в Обществе любительского драматического искусства Вудвилла и получала высокие оценки в приходской газете, но прошло почти три десятилетия с тех пор, как она в последний раз ступала на сцену, поэтому Филомена приятно удивилась тому, с какой легкостью смогла воззвать к былым театральным способностям. Она разразилась такими рыданиями, что в Уэст-Энде ей бы аплодировали стоя.

– Куда бы я ни посмотрела, везде вижу его, – выдавила она между всхлипами. – Мне просто нужно было выйти из дома, хотя бы ненадолго. Там слишком много воспоминаний.

– Ох, мне так жаль, миссис Тич. – Фэй поспешила к ней и взяла ее за руку. – Сколько времени прошло? Три месяца?

– Три месяца, три недели и два дня, моя дорогая, – шмыгнув носом, ответила миссис Тич. – Но мы должны двигаться дальше, так ведь? В мире существуют заботы поважнее, чем я и мой Эрни.

Филомена воспользовалась возможностью рассмотреть девушку поближе. За этими большими стеклами очков скрывался острый ум. Шарлотта ошиблась, списав девушку со счетов. Миссис Тич хотелось задать юной Фэй Брайт множество вопросов, но мистер Пейн подхватил вдову под локоть и повел по направлению к дому.

– Пойдемте, миссис Тич, – сказал он своим низким, размеренным голосом. – Мы проводим вас до порога.

– О, вы слишком добры, – ответила она. – Что бы мы делали без таких храбрецов, как вы, присматривающих за нами?

Миссис Тич позволила отвести себя домой, словно инвалида, но, оказавшись среди родных стен, она хлопнула в ладоши и с новой решимостью направилась на кухню, дабы приготовить какао. Она щелкнула выключателем, и тут же с улицы раздался голос:

– Погасите свет!

Слет вороньего народа

Облака словно бурлили изнутри, а вспышки молний отбрасывали длинные тени, скользящие по лесному покрову.

Безмолвным силуэтом Крэддок проскользнул между деревьями на опушке леса, проверяя расставленные силки. Заяц в обмен на котелок. Или, быть может, на одну из кружек? С тех пор как ввели нормирование продовольствия, он загребал деньги, промышляя на черном рынке. Когда мяснику разрешалось выдавать вам лишь несколько унций мяса каждую неделю и вы уже не могли видеть олады с солониной, кролик или заяц могли стать очень желанным разнообразием, и в деревне находилось много желающих заплатить за них сверх меры.

Крэддок засунул зайца в мешок и перекинул его через плечо, все еще кипя от злости из-за того, как с ним разговаривали в пабе. Напыщенные старые пердуны, как звонарь Ходжсон, эта болтливая маленькая стерва Фэй, и ведьма Шарлотта. К черту их. Они могли вести собственную игру. Он же придерживался своей.

Арчибальд прошел мимо барсука, лакавшего воду из пруда. Очередная вспышка молнии осветила скопление амбаров на ферме Ньютона. Внутри мерцал свет лампы, и браконьер

задался вопросом, что, черт возьми, затеял Гарри Ньютон в столь поздний час. Не единожды амбары сгорали из-за забытой масляной лампы, поэтому Крэдок решил проверить. Он двигался бесшумно, покидая покров леса и пробираясь по тропинке, минуя окровавленные перья на земле в том месте, где лисица набросилась на голубя.

Амбар принадлежал другу, но инстинкт охотника подсказывал сохранять осторожность. Услышав доносящиеся изнутри восторженные возгласы, сопровождаемые небольшим количеством аплодисментов, Крэдок замер. Он пригнулся, чтобы подойти к амбару, и голоса стали отчетливее.

– Слишком долго мы страдали под их гнетом. Больше мы не станем терпеть насмешки. – Голос принадлежал самоуверенному мужчине, будто вещавшему с трибуны проповедника. – Теперь мы свободны. – Последовала еще одна волна аплодисментов.

«Коммунисты? – задумался Крэдок. – Большевики? Нацисты?»

Он вспомнил, как прошлой зимой какой-то малый ошивался в деревне, раздавая брошюры, призывающие жителей вступить в некую фашистскую организацию. Констебль Малдун прогнал чокнутого из деревни, преследуя его на своем велосипеде и размахивая дубинкой. В Вудвилле не так часто случалась подобная ерунда, так как же кто-то заполнил амбар деревенскими революционерами? Крэдок украдкой заглянул в щель в стене постройки.

Он сумел разглядеть только ноги говорящего, стоявшего спиной к Крэддоку на возвышении из тюков сена. В окружении мерцающих масляных ламп оратор обратился к толпе из примерно двадцати человек, заполонивших амбар, но Арчибальд так и не смог увидеть ни одного лица из-за яркого света.

– Но надолго ли? – спросил все тот же голос. – Они захотят отобрать ее у нас, братья и сестры, да, захотят. Как долго мы сможем оставаться свободными?

Крэддок попятился и поспешил к передней части амбара, дабы лучше рассмотреть происходящее.

– Нам следует покинуть это место, – послышался изнутри женский голос, – и отыскать новый дом, который мы сможем назвать своим.

– Нет. Это наша земля, – возразил другой голос.

– Да, братья и сестры, – произнес главный оратор. – Мы охраняли эту землю, и она по праву принадлежит нам. Мы должны забрать и сберечь ее.

Крэддок решил, что с него хватит, и ворвался внутрь, распахнув дверь амбара.

– Что, черт возьми, такое...

Но тотчас утратил дар речи, когда все присутствующие повернулись к нему.

Некоторые представляли собой безликие связки соломы под низко надвинутыми шляпами, у других были грубые матерчатые лица с желтыми клювами, напоминающие черных

дроздов, большинство же имели мешковину с пуговицами и стежками вместо глаз и рта. Каждый из них – живое воплощение кошмара.

Пугала.

Ожившие, двигающиеся, говорящие пугала.

В душе Крэддок был простым человеком. Охотник, познавший цикл жизни и смерти, ему были хорошо знакомы законы матери-природы и то, насколько суровой и неумолимой она может быть. Но у него не хватало воображения, чтобы осмыслить то, что предстало перед ним. Поэтому он проигнорировал тот факт, что разговаривал с полным амбаром пугал, и продолжил гнуть свою линию, приказывая им убраться с частной территории.

– Это... это амбар Гарри Ньютона. Что вы...

– Я знаю этого мужчину, – из толпы выступило одно из пугал, обвиняюще тыча пальцем в Крэддока. Вместо головы у него был мешок, а тело было облачено в красное платье в мелкую клетку. Пугало плотнее закуталось в шаль, уставившись глазами-пуговицами на создание, стоявшее на тюках сена.

Голова оратора напоминала тыкву, но этого никак не могло быть вправду, у людей не бывает голов в форме тыквы. Хотя эта действительно была похожа на нее.

– Говори, сестра Сьюки, – приказал Тыквоголовый.

– Я видела его по ночам, – сказала Сьюки, ее вышитый крестиком рот двигался в такт словам. – Он браконьер. Ло-

вит зайцев, кроликов и многих других. Его имя Крэддок. Уилфред Крэддок.

– Уилф? – Крэддок не думал, что возможно еще сильнее сбить его с толку, но теперь эта особа приняла его за его девушку. Такого же браконьера, как и сам Арчибальд, но давно умершего и погребенного.

– Ему нельзя доверять. Мы не можем дать ему уйти, он предаст нас, говорю вам, – сказала Сьюки, хватая Крэддока за руку.

Он отпихнул ее, но она снова его схватила, однако браконьер ни одной женщине не позволял касаться себя подобным образом и потому ударил Сьюки наотмашь по лицу.

Голова ее развернулась так сильно, что теперь смотрела в другую сторону. Он сломал ей шею? Кровь Крэддока прилила к лицу, и он приготовился пробиваться к выходу.

Послышался скрип. Сперва он подумал, что это дверь сарая, но звук больше напоминал скрученное до предела дерево, и Крэддок с леденящим ужасом смотрел, как голова Сьюки медленно поворачивается к нему лицом.

Возможно, Крэддоку и не хватало богатого воображения, но он начинал кое-что понимать, и ему не нравилось то, что он видел.

– Я... Я вас не знаю, – сказал он, пятась, – и это меня не касается.

Пугала окружили его, продолжая приближаться.

– Я никому ничего не скажу, – выкрикнул он, злясь на

себя за дрогнувший голос. – Вы можете мне доверять. Ни слова не скажу. Спросите обо мне у местных. Все в деревне меня знают.

Круг пугал сжимался вокруг него. Некоторые из них протянули руки, поглаживая его длинное пальто.

– Действительно? – спросил человек с тыквой вместо головы. – Знают как браконьера? Вора? Ты общаешься с преступниками? Увлекаешься темными искусстваами? Якшаешься с ведьмами?

– Ведьмами? – Крэддок отмахнулся от рук. – Не желаю иметь с ними ничего общего.

– Но ты о них знаешь? – Треугольные глаза Тыквоголового каким-то образом сузились. – Расскажи мне. Назови имена. Подскажи, где их найти, и можешь идти по своим делам.

– Вот как? – Крэддок ощетинился. – Большинству местных нельзя доверить даже завязывание шнурков, и я не имею дел с теми, кто называет себя ведьмами и прочей подобной чепухой, но ни одну из них я вам не выдам, сэр. Если вы думаете, что какой-то болван с тыквой на голове может указывать мне, когда я могу идти заниматься своими делами, то вы ошибаетесь. – Арчибальд отбросил мешок с мертвым зайцем и сжал кулаки. – Теперь, если вы закончили, можете убираться, пока я...

Он заметил легкий кивок Тыквоголового за секунду до того, как пугала бросились к нему. Крэддок упал на колени, когда их руки в перчатках схватили его с силой, которая заста-

ла его врасплох. Одно существо удерживало браконьера за воротник, заставив опустить голову. С ревом, вырвавшимся из самого нутра, Крэддок вскинул руки, отбросил пугала назад и вырвался на свободу. Еще двое попытались преградить ему путь, но он ударил одного и оттолкнул другого в сторону, а затем поспешил к двери амбара и выбежал в бурю.

Успев сделать несколько шагов, он услышал позади себя крики, и пугала высыпали из сарая, устремляясь за ним. Охота началась.

Крэддок бросился в гущу леса, петляя между деревьями. Дождь прекратился, хотя молнии все еще сверкали, а гром сотрясал воздух. Он осмелился оглянуться на своих преследователей.

Пугала двигались быстро, нещадно приближаясь, их бескостные нечеловеческие конечности вращались с бешеной скоростью.

Крэддок споткнулся и рухнул в канаву. На мгновение его ослепила вспышка белого света, когда затылок ударился о камень. Ему оставалось только барахтаться, цепляясь за любую опору, дабы выкарабкаться из канавы, когда веселое пугало с сияющей улыбкой прыгнуло на него, нанося шквал ударов по голове.

Браконьер отпихнул противника и поднялся на ноги, но в бой вступили еще два пугала, осыпая Крэддока неуклюжими, дикими и яростными ударами.

Он знал, как драться в пабах, на улице и по правилам Куинсберри¹³, но не представлял, как оказывать сопротивление безжалостному безумию пугал. Бесстрашные и жестокие, они вновь сбили его с ног. Поле зрения Крэддока заполнило лицо из мешковины, принадлежавшее веселому пугалу, хихикавшему, точно сумасшедший.

Арчибальд неловко приземлился на землю, и что-то ткнулось ему в ягодицы. Он знал, что это такое и как оно могло помочь, и пытался игнорировать бесконечные удары, потянувшись за коробкой в заднем кармане.

Веселое пугало дернуло головой, когда спичка чиркнула по фосфору, но было уже поздно – пламя лизнуло его лицо. Пугало взвыло, пытаясь потушить огонь. Остальные хотели помочь, но поспешили назад, испугавшись пламени.

Крэддок похромал в темноту. Веселое пугало осталось позади, вслепую мчась горящим шаром между деревьями и завывая, словно банши.

¹³ В 1865 г. маркиз Куинсберри в соавторстве с журналистом Джоном Чемберсом разработал новые правила для любительских соревнований по боксу в Англии, которые действуют в мире и по сей день.

8

Голиаф испугался низколетящих «Спитфайров»¹⁴

Фэй не могла сказать с уверенностью, во сколько она наконец добралась до дома прошлой ночью, но было далеко за двенадцать, поскольку отец уже спал. Ей потребовалось еще больше времени, чтобы заснуть; голова гудела, полнясь причудливыми откровениями прошедшего дня. Когда она проснулась к завтраку, отец уже ушел, оставив на кухонном столе записку:

Голиаф испугался низколетящих «Спитфайров». Пошел вытаскивать его из канавы.

Голиаф – жеребец пивоварни, дружелюбный гигант, дважды в неделю доставлявший в паб телегу, нагруженную пирамидой пивных бочек. Он был послушным малым, который обожал яблоки и морковь и пугался всех самолетов, снующих туда-сюда с аэродрома. Убежать в поле, расплескивая на ходу бочки с элем, – обычное для него дело. Фэй знала, что отцу необязательно помогать вытаскивать Голиафа из канавы. Просто он решил избегать ее. По крайней мере, пока не решит, будто дочь забыла все упоминания о том, что ее мать

¹⁴ «Спитфайр» (англ. Spitfire) – британский истребитель времен Второй мировой войны.

была замечена в сговоре с ведьмой.

Но если он полагал, что Фэй собиралась оставить сей факт без внимания, то сильно ошибался.

Она проглотила овсянку, закончила с делами по дому, затем, утратив остатки терпения, запрыгнула на велосипед. Ей нужно было допросить ведьму.

Мчась по деревне, Фэй рассекала колесами велосипеда лужи, оставшиеся после ночной бури. Вудвилл сиял в лучах утреннего солнца. Постройки эпохи Тюдоров склонялись над крытыми соломой домиками и мощеными улицами. Красные, розовые, белые и сиреневые петунии кучковались в подвесных корзинах возле каждой входной двери. Даже огрехи военного времени – мешки с землей на каждом углу, ведра с песком и водой, приготовленные на случай возгорания, заклеенные крест-накрест скотчем окна – после прошлой ночи казались странно обыденными и успокаивающими.

Мясник и пекарь уже приступили к работе, и жители деревни упорядоченно выстроились в очередь с продуктовыми книжками в руках. Фэй улыбнулась и помахала знакомым лицам, то есть всем. В любой другой день она бы остановилась, чтобы поболтать, но сегодня утром у нее была миссия, а коттедж Шарлотты был спрятан глубоко в лесу, что предполагало долгую поездку до конца тропы, а затем еще более долгую прогулку.

В конце Вуд-роуд Фэй увернулась от вереницы школьников в противогазах, следовавших за своим учителем на тренировки по воздушной тревоге. Именно тогда она заметила белую лошадь и телегу Дорис Финч, которая сворачивала с дороги к выезду из деревни.

Дорис жила в коттедже на углу Оллхоллоус-лейн. После кончины мужа, Кенни, она взяла на себя заботы о доставке молока. В деревне Дорис очень любили. Она всегда приезжала вовремя и в любую погоду дарила жителям бодрящую улыбку. Чего нельзя было сказать о Кенни, который вел себя грубо и с покупателями, и со своей семьей. Было бы жестоко заявлять, что внезапная смерть Кенни от пневмонии две зимы назад – лучшее, что случилось с Дорис, но невозможно отрицать, что с тех пор, как они похоронили его на кладбище при церкви Святой Ирины, ее походка обрела легкость.

Их сын Герберт, прекрасно смотревшийся в военно-морской форме и лихо сдвинутой набекрень фуражке, ехал в повозке и пролистывал спортивные страницы «Дейли Миррор». Фэй вспомнила историю, о которой накануне упоминал мистер Пейн, и с новой силой налегла на педали, дабы догнать семью Финч.

– Доброе утро, Герберт, – крикнула она, петляя за повозкой. Пустые бутылки звякали друг о друга на особо ухаби-стых местах.

Парень опустил газету и улыбнулся, у него отсутствовал один зуб.

– Фэй Брайт, собственной персоной. – Это была не совсем та беззаботная улыбка, которую он демонстрировал, отправляясь на войну прошлой осенью, но в ней все еще проглядывался бодрый настрой. Он был всего на два года старше Фэй, но выглядел совсем взрослым в своей форме. – Как поживает твой старик?

– Да с ним все в порядке, – сказала Фэй, по инерции вставая на педали. – Значит, тебя отпустили в отпуск на берег?

Улыбка Герберта слегка померкла.

– Всего на пару дней. Сейчас как раз возвращаюсь. Мне нужно успеть на поезд.

– Папа говорил, что ты вошел в состав атлантического конвоя на большом старом линкоре. Должно быть, это захватывающе.

Улыбка Герберта осталась прежней, но он опустил взгляд.

– Моментами.

Фэй читала в газетах об ужасных сражениях, в которых участвовали атлантические конвои, и Герберт, вероятно, оказался в самой гуще событий. Она почувствовала, что пора сменить тему.

– Вчера вечером у нас с мистером Пейном завязался занятный разговор, – сказала она.

– А, да? Как там здоровяк?

– Все тип-топ, не жалуется. Мы патрулировали улицы прошлой ночью, и он упомянул, что по пути сюда ты видел нечто странное из окна поезда.

– О, ради... – Герберт сложил газету и повернулся к матери, управлявшей повозкой. – Мама, ты уже всем растрезвожила в этой чертовой деревне?

Дорис изогнула шею.

– Нечего меня обвинять. Это же ты... О, привет, Фэй.

– Здравствуйте, миссис Финч.

– Как твой папа?

– Порядок, не...

Герберт прервал любезности, огрызнувшись на мать:

– Кому еще ты рассказала?

– Не помню, Герберт, и я не знала, что это секретная информация.

– Значит, всем на свете.

– Не *всем*, – парировала миссис Финч, одарив Фэй дерзкой ухмылкой.

– О, прекрасно. Мне знаком этот взгляд, мама, – произнес Герберт. – Не знают только слабослышащие и мертвецы в могилах. Все решат, что я свихнулся.

– Ничего подобного, – возразила его мать. – Вы все вымотались после долгого пути, вот и все.

Фэй продолжала крутить педали, не желая отставать от повозки.

– Что ты видел, Герберт? – спросила она.

– Ничего я не видел, – ответил он, прячась за газетой.

– Пугала, – сказала миссис Финч. – Он видел людей, одетых как пугала, и у одного из них на голове была тыква. Хотя

нет. Как ты тогда выразился? Не *на* голове. А *вместо* нее.

– Хватит уже, мама.

Миссис Финч добавила:

– Он сказал, что этот Тыквоголовый улыбался и махал ему, когда поезд проезжал мимо.

– Ма-ам.

– У него была маска в виде тыквы? Или смешная шляпа? – спросила Фэй.

– Нет, просто тыква, – утверждала миссис Финч. – Самая настоящая тыква вместо головы.

– Мама!

– Я просто пересказываю ей твои же слова, – настаивала она. – Он был бел, как полотно, когда я привезла его домой. Словно увидел привидение или что-то такое.

– Ничего подобного, – буркнул Герберт. – Я просто задремал и, вероятно, мне все это приснилось. И я больше никогда ничего тебе не расскажу, мама.

Повозка с молоком подъехала к развилке у подножия Фиш-Хилл, и миссис Финч направила ее к железнодорожной станции в Терфилде, соседнем городишке.

Фэй затормозила и остановилась на перекрестке.

– Пока, Герберт, береги себя, – крикнула она ему вслед. Он помахал в ответ с прежней улыбкой на устах.

Фэй схватилась за руль велосипеда, съездившись при мысли о ходячем говорящем пугале с тыквой вместо головы. Бедняге Герберту померещилось. Начать хотя бы с того, что

сейчас не сезон тыкв, они созреют лишь к осеннему сбору урожая. Когда цоканье лошади Дорис затихло, на дорогу галопом выскочил другой жеребец.

Им оказался Голиаф, ведомый мистером Гловером из пивоварни и отцом Фэй, который выпятил грудь, завидев дочь.

– Значит, вы его нашли.

Она положила велосипед на землю и поприветствовала Голиафа, погладив его морду.

– Здравствуй, крепыш, – сказала Фэй, и жеребец опустил голову в знак приветствия. – Эти шумные «Спитфайры» тебя напугали? Да? Бедняжка. Доброе утро, мистер Гловер. Папа.

– Доброе утро, Фэй, – бодро ответил мистер Гловер. Этот мужчина был столь же широк, сколь и высок, в плоской кепке и с бакенбардами. Сняв желтый шейный платок, он промокнул лоб. – Этот дуралей оказался под железнодорожным мостом. Дрожал как осиновый лист.

– Ох, благослови господь его душу, – Фэй обняла Голиафа за шею. Но он стряхнул ее, смущенный таким вниманием. – Ладно, как хочешь, – сказала она, отступая.

– Уже закончила домашние дела? – Отец Фэй поприветствовал ее более осторожно.

– Конечно. – В основном это было правдой.

– Чем планируешь заняться?

– Чем и обычно, – пожала плечами она. – Только что встретила молодого Герберта Финча.

– Уже слышала? – Губы мистера Гловера растянулись в ухмылке. – Он утверждает, что видел человека с тыквой вместо головы. Как тебе такое, а?

– Да, действительно, – пробормотала она, продолжая смотреть на отца. – Значит, вы не верите в магию, мистер Гловер?

– Нет, слишком много гнилья. Сказки для малышек. Для меня единственное волшебство – это то, как немного хмеля, ячменя, дрожжей и воды могут превратиться в пиво. Вот оно, настоящее чудо.

– Не верите в ведьм и тому подобное? – Фэй проигнорировала стальной взгляд отца.

– Э-э, нет, конечно нет, – ее собеседник замялся. Он переводил взгляд с Фэй на Терренса и обратно, чувствуя невысказанную враждебность между отцом и дочерью.

– Мистер Гловер, вы знали мою маму? – спросила она.

Терренс ничего не сказал, но слегка покачал головой.

– К... конечно. – Мистер Гловер отвечал с осторожностью, недоумевая, к чему ведет разговор.

– Была ли она... – Фэй уже готовилась задать вопрос, произнести это слово, но не сумела заставить себя. Неужели она действительно верила, что ее мать была ведьмой? Что она могла колдовать и летать на метле? Прошлой ночью, в лесу, в темноте, такая возможность казалась весьма вероятной. Но что на самом деле сделала ее мама? Написала книгу, полную причудливых вещей. Относилась к людям с добротой. По-

могла оглушенной птице. Чем больше Фэй думала об этом, тем нелепее звучало ее предположение. Потерявшись в мыслях, она почувствовала, что мистер Гловер ждет продолжения вопроса. Она моргнула, вернувшись в реальный мир, и поправила очки. – Она была... славной? – неуверенно спросила Фэй.

– О, она была очаровательной, твоя матушка, – сказал ее собеседник, хлопая себя по животу. Терренс облегченно выдохнул. – Сама доброта, невероятно мудрая и всегда с улыбкой на устах. И она помогла моей матери с ее низом, если ты понимаешь, о чем я.

Фэй не совсем понимала, но позволила мужчине продолжить.

– Конечно, многие считали ее ведьмой, но я в это не верю. В мгновение ока произошли четыре события.

Терренс посмотрел на мистера Гловера так, словно готовился сразить его наповал одним только взглядом.

У Фэй бешено заколотилось сердце.

Рассекая небо, над их головами строем пронеслись три «Спитфайра».

И бедняга Голиаф, испуганно заржав, взвился на дыбы и понесся по Терфилд-роуд.

– Проклятие! – взревел мистер Гловер, пускаясь в погоню. – Эти штуковины – чертова угроза, – крикнул он, устремляясь прочь.

Терренс колебался, разрываясь между тем, чтобы помочь

мистеру Гловеру и предостеречь дочь.

– Передай мистеру Гловеру, – сказала Фэй, – что ему, может, стоит заткнуть уши Голиафа ватой. – Она налегла на педали велосипеда и помчалась в сторону леса.

Жаба, коза и ведьма

Когда лес стал слишком густым, Фэй оставила велосипед, прислонив его к дереву, и продолжила путь пешком по узкой лесной тропинке. Кусты ежевики были усыпаны бело-розовыми цветками, которые готовились превратиться в дикие ягоды. Одним из немногих отчетливых воспоминаний Фэй о матери было то, как они приходили сюда собирать полные корзины этих ягод, дабы сварить варенье. Ей было всего четыре года, но она до сих пор помнила, как облизывала свои липкие пальцы, и ее мать делала то же самое. В тот день они шли домой вместе, держась липкими ладонями. Их последнее совместное лето. Внутренности Фэй скрутило от воспоминаний, и вернулась знакомая вспышка гнева. Сколько еще дней, подобных тому, у нее украли?

Если мама и была ведьмой, то она не походила ни на одну из тех, кого Фэй видела в книгах или в фильмах. Как-то раз она со звонарями отправилась в однодневную поездку в Лондон на литейный завод «Уайтчепел Белл», а во второй половине дня они пошли в кино на сеанс фильма «Волшебник страны Оз». Ведьма в фильме была ярко-зеленой и с заостренным вытянутым носом. Кожа мамы Фэй имела цвет яичной скорлупы, усыпанной веснушками, а ее улыбка мог-

ла осветить самый темный день.

Воздух стал влажным, и эскадрильи москитов кружили над лесной путницей, пока Фэй пыталась от них увернуться. Тропа стала не более чем крошечной дорожкой, и вскоре она уже брела среди папоротников высотой по колено, время от времени получая пощечину веткой, пока не обнаружила поляну с коттеджем Шарлотты Саутхилл.

Приземистая постройка, сложенная из перекрещенных коротких бревен, скрепленных смесью глины с соломой, притаилась под дерновой крышей в самой чаще леса, не желая быть найденной.

Топор покоился на плахе. Возле дома имелась пристройка и небольшой огород. Из трубы мягко струился белый дым, а от бузины, растущей в тени, исходил аромат аниса.

Фэй стояла на некотором расстоянии от жилища, сжав маленькие кулачки и закусив губу. Вот оно. Она наконец узнает правду о своей матери. Фыркнув, она подошла к маленькой деревянной двери и занесла кулак, намереваясь постучать.

– Уходи.

Фэй вздрогнула от безошибочно узнаваемого хриплого голоса Шарлотты и принялась искать щели, недоумевая, как ведьма узнала о ее прибытии.

– Я позади тебя, девочка.

Фэй обернулась и увидела хозяйку дома, вышедшую из леса с корзиной, полной грибов и трав. Черно-зеленая жаба восседала на ее плече, будто пиратский попугай. Жаба квак-

нула, и Фэй была уверена, что заметила ее презрительный взгляд.

– Доброе утро, – сказала Фэй, пытаясь говорить так, словно просто проходила мимо и решила заглянуть. – У вас найдется минутка?

– Нет, – Шарлотта прошествовала мимо незваной гостьи и вошла в дом, закрыв за собой дверь. Затем послышался лязг задвигаемого затвора.

Фэй стояла на месте, готовясь провалиться сквозь землю. Она пошевелила пальцами ног в ботинках, размышляя, не стоит ли просто развернуться и пойти домой. Но сегодня ее выходной и у нее есть миллион других дел, которые следует выполнить, и она не зря проделала весь этот путь.

– Несусветная наглость, – пробормотала себе под нос Фэй, барабаня по двери коттеджа.

– Убирайся, – крикнула Шарлотта изнутри. Затем последовало пренебрежительное кваканье жабы.

– Отец сказал, что вы знали мою маму.

– Немного.

– Значит, уже больше, чем я, – сказала Фэй. – Вы дружили?

– Я бы хотела предаться воспоминаниям, – сказала Шарлотта тоном, предполагающим, что она бы предпочла облиться с ног до головы бензином и поджечь себя, – но у меня есть неотложные дела. Оставьте меня в покое, дитя.

– Просто... – Фэй задумалась, стоит ли ей все рассказать.

В конце концов Шарлотта, вероятно, единственный человек в деревне, кто способен понять. – Просто я нашла книгу, понимаете. Она была спрятана в подвале в сундуке с мамиными безделушками. Пыльная вещица в кожаном переплете. Сначала я подумала, что это бухгалтерская книга или Библия, но потом открыла ее, и прямо там, на первой странице, значилось «Книга ритуалов и магии Уинтер», автор Кэтрин Уинтер. Это девичья фамилия мамы, так что она, должно быть, заполняла книгу еще до знакомства с папой, и, вероятно, продолжала писать и после, потому что там полно заметок и набросков. Там есть изображения растений и трав, и она изобрела свой собственный метод колокольного звона. Еще там всякие странные существа, и вся эта чепуха про магию и заклинания, и даже есть рецепт пудинга с вареньем. То есть все это ненастоящее, конечно же. Кроме пудинга. Но, взглянув на ее записи и наброски, я стала невольно задаваться вопросом, действительно ли она верила в это или просто пошутила? А если она знала вас... Ну, вы понимаете, к чему я веду, да?

Фэй оставила вопрос висеть в воздухе и наострила уши, ожидая ответа. Но все, что она слышала, была суета окружающего леса. Пение птиц, шум белок, снующих за орешками, и шелестящий в листве ветер.

– Эй? – позвала она.

Изнутри коттеджа донеслось кваканье.

Она рассердилась. Насколько же грубой может быть эта

женщина? Фэй проделала весь этот путь ради ответов, и она, черт возьми, собиралась их получить. Обойдя коттедж, она нашла высокое окно. Стараясь не наступить на грядку с капустой, встала на цыпочки, вытерла запотевшее стекло и заглянула внутрь.

Помещение выглядело мрачно, с низким потолком, подпертым деревянными балками, а на белых оштукатуренных стенах виднелись странные символы, похожие на руны, которые Фэй видела в книге мамы. По углам разбросана одежда, а в воздухе клубилась пыль. Там стояла кровать без простыней, и на ней лежала Шарлотта. Она крепко спала, сложив руки на груди: совершенно голая, с бледной, как молоко, кожей. Жаба, лежавшая на животе ведьмы, повернула голову и воззрилась прямо на Фэй.

Ква.

Покраснев, Фэй отпрыгнула и прижала руку ко рту.

Ме-е!

Она обернулась и увидела глядящую на нее белую козу.

– Она полностью нагая! – сказала Фэй козе, но та только опустила голову, пиная землю раздвоенными копытами. – Ладно, хорошо, я вижу, когда мне не рады, – пробормотала Фэй.

Коза просто смотрела на нее, будто скрывая древний разум.

– Хорошо, – сказала девочка и направилась обратно к велосипеду. Решимость покидала ее подобно выпускаемому из

дырявого воздушного шара воздухом. Глупо было думать такое о своей матери. Фэй чувствовала себя идиоткой, раз поверила в магию. Все, что она нашла, это голую чудачку, которая спала с жабами и держала злых коз. Даже если эта магическая чепуха окажется реальной, она уверена, что не хочет иметь с ней ничего общего.

Стрекоза с желтыми полосками на тельце зависла над камышом, затем умчалась прочь, испуганная запыхавшимся человеком, схватившим тростник, выдергивая его из воды.

Крэддок надломил его, продул, дабы очистить, затем крепко зажал губами и скользнул под поверхность пруда. Однажды он видел, как Джон Уэйн делал это в фильме.

Браконьер сделал вдох через тростник и поперхнулся, поскольку горло тут же забилося грязью из стебля. Крэддок снова вынырнул и отшвырнул его, пытаясь подавить кашель и проклиная имя Джона Уэйна.

В лесу что-то зашевелилось, и он попятился еще дальше в камыши. Затем замер, затаив дыхание, наблюдая, как пугала силуэтами проносятся мимо, мотая головами из стороны в сторону в поисках его самого.

Они преследовали его всю ночь, появляясь везде, куда бы он ни повернул, приближаясь и не давая возможности бежать. Крэддок был силен, но даже он нуждался в отдыхе, а эти безбожные твари были неумолимы и не знали усталости.

Пугало в соломенной шляпе с помятыми краями нырну-

ло в пруд, и Крэддок напрягся. Изнеможение тяготило его, кости ныли, мокрая одежда прилипла к продрогшей коже.

Пугало продолжало приближаться, за ним следовали другие, и Крэддок старался не дрожать.

Мурмурация¹⁵ скворцов

Фэй выбрала более длинный путь домой, толкая велосипед по заросшей крапивой тропинке, которая извивалась вдоль реки Вуд. Пара лебедей составляла ей компанию, скользя по воде, ненавязчиво сопровождая ее. Фэй была уверена, что они наблюдали за ней.

– Доброе утро, – произнесла она, вздернув подбородок.

Один из лебедей кивнул. Другой загоготал на своего партнера, словно ругая его за ответ.

Она остановилась, склонив голову к птицам.

– Сделай это еще раз, – попросила она.

Оба лебедя расправили крылья и забарахтались в воде, плескаясь и набирая высоту, прежде чем взлететь в небо. Фэй наблюдала за ними, пока они не превратились в крошечные точки на горизонте.

– Как хотите. – Ей пришлось задуматься, действительно ли они ее поняли. Конечно нет. В очередной раз она позволила своему воображению одержать верх. В этом ее проклятие. Слишком буйная фантазия. Ей следовало бы научиться

¹⁵ Мурмурация – природное явление, когда тысячи птиц сбиваются в громадные стаи, которые динамически формируются в удивительные небесные фигуры, постоянно сжимая и разжимая ряды.

тверже стоять на ногах. Ссутулившись и опустив голову, Фэй продолжила толкать велосипед по дорожке.

Конечно, то, что она жила в Вудвилле, никак не помогало. Мистер Пейн был прав. В деревне более чем достаточно диких, странных, причудливых и колдовских вещей. Но это не делало магию реальной. То, что кто-то спит с жабой на животе и грубит каждому встречному, не говорит о том, что у него есть сверхъестественные способности. Для Фэй это просто свидетельство того, что человек немного не в себе.

Она ощутила прилив грусти: ее дражайшая покойная ма-тушка, вероятно, была такой же сумасшедшей, как и мисс Шарлотта. По прибытии домой Фэй намеревалась убрать книгу подальше. Вернуть в сундук с другими реликвиями жизни ее мамы, вместе со всей злостью и печалью. Она предпочитала оставить смутные воспоминания, полные тепла, смеха и липкого джема.

Запах дыма защекотал ноздри Фэй, и она подняла взгляд. На излучине реки ряды добровольцев местной обороны собрались вокруг пары раскаленных добела жаровен. В воздухе клубился черный дым.

ОМО проводили одно из своих учений. Привести в форму эту старческую армию хрипящих энтузиастов – задача не из простых. Через день они маршировали по городу с метлами вместо винтовок, практиковались в рукопашном бою в церковном зале или бросали самодельные коктейли Молотова в старые амбары.

Сегодня настал день противопожарной подготовки.

Берти тоже оказался среди добровольцев, стоя по колено в воде, управляя насосом, питавшим шланг, который сжимал мистер Бакстер, торговец скобяными изделиями. Мистер Маршалл, капитан команды по кеглям, кричал на всех, считая себя главным.

– Давай сильнее, парнишка, – крикнул он Берти. – Приложи еще немного усилий.

Покрасневший и пыхтящий, как паровоз, Берти удвоил усилия. На другом конце шланга показались тоненькие струйки воды.

– Целься в основание огня, – крикнул мистер Маршалл мистеру Бакстеру, и тот, сосредоточенно высунув язык, прицелился в одну из горящих жаровен. Вода продолжала хлестать урывками, едва достигая цели. Огонь потрескивал, не впечатлившись усердием отряда.

Фэй вскочила на свой велосипед и стала крутить педали, чтобы присоединиться к мужчинам. Подъехав ближе, она помахала Берти.

– Доброе утро, Берти.

– О, доброе утро, Фэй, – сказал он напряженно, увеличивая усилия, чтобы произвести впечатление на девушку.

– Гораздо лучше, Берти, мой мальчик, гораздо лучше. – Мистер Маршалл торжествующе поднял кулак в воздух, когда брызги воды достигли пламени.

– Нужна помощь, джентльмены? – спросила Фэй.

– Мы проводим противопожарную подготовку, проезжайте вперед, юная леди, проезжайте, – сказал мистер Маршалл, показывая ей, чтобы она следовала по тропинке, но Фэй уперлась ногами в землю и остановилась, наслаждаясь зрелищем.

– Нужна помощь, Берти? – поинтересовалась она, но прежде чем мальчик успел перевести дух, чтобы ответить, вмешался мистер Маршалл.

– Я настаиваю, чтобы вы уехали, – рявкнул он. – Это опасная тренировка и не подходит для несведущих.

– Я пыталась вступить в ваши ряды, но вы сказали, что мне не рады, – напомнила Фэй, скрестив руки на груди. – Я просто посмотрю. Не стану мешать.

Мистер Маршалл поднял палец, дабы возразить, но его отвлек приближавшийся из-за поворота топот копыт.

Леди Астон прибыла верхом вместе с еще тремя членами конного патруля Вудвилла. Ее светлость организовала патруль еще в марте, увидев в газетах ужасающие снимки вооруженных до зубов немецких десантников. В статье описывалась возможность того, что войска спустятся с неба в английскую сельскую местность, сбрасывая гранаты на ничего не подозревающих жителей, прежде чем посеют хаос с помощью пулеметов. Леди Астон не желала подобного исхода и потому немедленно снабдила свой отряд нарукавными повязками, твидовыми жакетами, котелками и биноклями в тон. Каждый день и каждую ночь они выезжали из Хей-

врд-Лоджа – внушительного особняка ее светлости – патрулировать окрестности, время от времени делая перерывы на чай и перекус.

– Доброе утро, ребята, – обратилась она к людям мистера Маршалла. – Помощь требуется?

– У нас все под контролем, спасибо, ваша светлость, – раскрасневшись, ответил мистер Маршалл.

– Очень хорошо, – леди Астон заметила девочку. – Здравствуй, юная Фэй. Тебе тоже нравится представление?

– Конечно, – сияя, ответила та.

Добровольцы отряда смущенно заерзали, оказавшись перед публикой.

– Помнится, вы сказали, что здесь будет укромное место, – буркнул мистер Бакстер.

– Закрой рот, Джеральд, – рявкнул мистер Маршалл.

– Все снуют туда-сюда, будто это чертова площадь Пикадилли, – продолжил мистер Бакстер.

– Я приказываю замолчать, – сказал мистер Маршалл.

– Я подписался, чтобы внести свою лепту, а не стать проклятым уличным артистом.

– Хорошо. Вы свободны от работы со шлангом, мистер Бакстер. Отойдите и дайте попробовать кому-нибудь другому.

– Так нечестно. Я едва начал.

– Вот к чему приводит неповиновение. А теперь отойди назад, или мне придется сделать тебе выговор.

Мистер Бакстер надулся, отказываясь отпустить шланг, из которого продолжала хлестать вода.

– Нет, – заявил он.

– Мне остановиться? – крикнул Берти с реки, где он продолжал опускать и поднимать ручку насоса.

Мистер Маршалл проигнорировал мальчика и потянулся за шлангом в руках мистера Бакстера, который рванул прочь, обрызгивая речной водой леди Астон и ее лошадь.

– Боже, – воскликнула она, когда конь встал на дыбы, лягнул копытами и напугал мистера Маршалла, который споткнулся об одну из жаровен и опрокинул ее. Раскаленные добела угли высыпались наружу, и пламя охватило стебли сухой кукурузы в поле. Прежде чем мистер Маршалл поднялся на ноги, огонь уже успел распространиться.

– Огонь! – закричала Фэй, спрыгивая с велосипеда, чтобы затоптать пламя, но оно перекидывалось от стебля к стеблю быстрее, чем она успевала реагировать. Всем было известно, что урожай с крестьянских полей – единственный источник заработка, особенно сейчас, когда шла война, и другие добровольцы ОМО быстро присоединились к Фэй. Они забрасывали огонь земель, но тот все равно разрастался.

Мистер Бакстер сделал все возможное, чтобы вернуть себе контроль над шлангом, из которого выливалось все больше воды, но не сумел как следует его направить. Вмешался мистер Маршалл, завязалась борьба, но пламя продолжало пожирать сухие стебли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.